

Евгения Халь & Илья Халь

Куплю
любовницу
для мужа

16+

Илья Халь
Евгения Халь
Куплю любовницу для мужа

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67703207
SelfPub; 2022*

Аннотация

Две полоски на тесте для определения беременности когда-то перечеркнули мою блестящую карьеру. Я ни разу об этом не пожалела. Муж и дочка – смысл моей жизни. Но после одиннадцати лет счастья муж стал заглядываться на других женщин. Я почти брошенка. Развод разрушит жизнь дочки. А ради нее я готова на все. Даже на открытый брак. Те, кто умеет любить, как я, по-бабски, до дрожи, меня не осудят. А те, кто не умеет – вам меня не понять.

В тексте есть: эмоции на пределе, сложная ситуация, властный муж, сильная любовь. Хэппи-энд. Однотомник.

Содержание

1 глава. Дверь в чужую бабу	4
2 глава. Взрослые игры хищников	24
3 глава. Султан ее гарема	48
4 глава. Идеальная любовница для мужа	73
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Евгения Халь, Илья Халь

Куплю любовницу для мужа

1 глава. Дверь в чужую бабу

Анастасия

Дверь. Тяжелая, пафосная, из серии "дорохо-бахато". А за – ней веселье и смех. Вот только мне не весело. Для меня это вход в ад. Дверь в чужую бабу.

– Настя, ты еще можешь передумать. Скажем, что у тебя неожиданно голова разболелась, – шепчет мой муж Гордей. – Отвезу тебя домой, а сам вернусь сюда, – он берет меня за руку и легонько сжимает пальцы, поглаживая.

Его цепкий взгляд скользит по моему лицу. Едва сдерживаю саркастическую усмешку. Привычка – вторая натура. Мужик остается мужиком. Даже если жена позволяет ему пойти по бабам, все равно автоматически пытается спрятаться и сделать это тихо.

– Все в порядке, – потихоньку высвобождаю руку из его ладони, стараясь не делать резких движений, чтобы этот жест не выглядел капризом обиженного ребенка.

Мои пальцы дрожат, крепко сжимаю их и опускаю руку

вниз, вцепившись в тонкую ткань платья.

– А мне так не кажется, Настя.

– Нет, серьезно, расслабься, Гора. Я же сама это все придумала, – не сдаюсь я, предварительно покопавшись внутри своего разорванного в ключья сердца, и все же найдя там остатки бодрости, попутно ногами затолкав внутрь себя жалкие крохи гордости.

Дверь отрывает высокий охранник, и, ощупав нас подозрительным взглядом, пропускает внутрь. Мы с Гордеем пересекаем холл, выложенный мраморной плиткой с золотым позументом, и выходим в огромный сад. На нас обрушиваются музыка и смех. Сад до отказа забит гостями, одетыми в костюмы русалок, Нептунов и пиратов. Вся светская Москва, перетряхнув шкафы и бутики гламурных модельеров, сверкая стразами и перьями, собралась на тематической вечеринке Михаила Искандеровича Гурджиева – самого богатого человека в России, неустанно и бессменно возглавляющего список "Форбс".

Вечеринка традиционно проводится каждый год в день рождения его сына, популярного певца Имана – бесталанного, безголосого, слащавого. Но половина звезд мировой музыки, теряя портки и забыв о гордости, бегут петь с ним дуэтом, если Иман их приглашает. Причем поют они песенки Гурджиева-старшего, что сразу в два раза увеличивает и без того немаленький гонорар.

Попасть на этот тематический бал-карнавал мечтают мно-

гие. Но приглашения получают только те, на кого обратил внимание сам Гурджиев-старший. То есть те, кого он считает будущими перспективными партнерами в своих многочисленных бизнесах.

Как у всех очень богатых людей, у Гурджиева есть своя маленькая фишка: нравятся ему люди, которые не просто отличились в нелегком деле заколачивания бабла, а только те, кто дышит с олигархом в одну ноздрю, разделяя его хватку и умение шагать по бесчувственным телам, которыми выложена дорога к успеху. А также те, кого не пугают эксперименты, в том числе, и сексуальные. Вернее, в первую очередь сексуальные. Такой модернизированный закон джунглей: мы с тобой одной крови и в одной позе, ты и я.

К нам подбегает официантка, одетая лишь в две серебряные полоски. Один узкий кусочек ткани честно изображает юбку, другой – топ. В ее хрупких руках тяжелый стеклянный поднос, на котором горками громоздятся ракушки и стоят узкие бокалы с коктейлями всех оттенков голубого и синего. В густой жидкости медленно плавают желатиновые морские коньки.

Тема нынешней вечеринки: волны Нептуна. В огромном саду мельтешат неотфотошопленные мордахи звездюль всех рангов, бизнесмены, адвокаты, политики. Лужайка уставлена длинными столами-аквариумами, внутри которых плавают девушки-русалки в бикини и с рыбьими хвостами. Топ-модели в блестящих платьях-сетках скользят между столи-

ками, бросая томные взгляды на мужчин.

К нам спешат сам хозяин с сыном. Они лично встречают каждого гостя. Ведь это тесный круг, в который моего мужа Гордея наконец-то допустили. А то, что он пришел с женой, повышает его шансы на успех и связи в деловом мире. Может быть, где-то там на Западе деловые связи заключаются, потому что это выгодно. Но наши олигархи – дети лихих 90-х. Они составляют свой узкий круг, своеобразную секту для особо избранных, в которой нужно не просто работать, а спать с теми, на кого укажет хозяин.

Гурджиев и его сын абсолютно синхронно оглядывают меня молниеносным, но цепким взглядом. И в глубине темных, как маслины, глаз появляется похотливое одобрение. Мне тридцать. Годы замужества, конечно, сыграли свою роль: котлетки, семейные ужины и прочее прибавили пару килограммов, но балетное прошлое особо расслабиться не дает. Серебристое платье а-ля русалка облегает меня, как чулок. Серебряные босоножки на шпильках идеально подходят к платью, а мои светло-каштановые волосы рассыпаны по плечам.

– Хороша, – молча одобряют Гурджиевы.

Откровенно-восхищенные мужские взгляды не только не радуют, но острыми когтями царапают по сердцу.

– Знаю, – мысленно отвечаю я. – Только почему мой муж меня не хочет?

Одеваясь на эту вечеринку два часа назад, я внимательно

осмотрела себя в зеркале. Беспристрастно. Как чужого человека. Как товар в магазине. Увиденным я осталась довольна. Фигура все еще, как натянутая струна, и сильные, фактурно вылепленные балетные ноги. Но почему же тогда в глазах Гордея – открытый космос и лютый холод? Моя уверенность в себе тут же сдулась, как лопнувший воздушный шарик.

Пусть катятся к черту все эти психологи, которые говорят о женской самодостаточности. Мол, женщина должна быть красивой для себя самой, а что думают мужики никого не волнует. Я для себя знаю одно: женщина красива, пока ее любит мужчина. Его влюбленные глаза – это спа-салон и вся косметика мира. Можно нарисовать блеск на губах и придать объем ресницам. Но блеск в глазах может "нарисовать" только любимый мужчина. Его горячий призывный взгляд – это космос и полет.

Свет мой зеркальце, скажи... врет ваша сказка. Не было там зеркальца. Там был умирающий от желания мужчина и его женщина. В его расширенные от желания зрачки она смотрелась, любуясь своим отражением. Потому и была всех румяней и белее. Я так прожила целых одиннадцать лет, отражаясь в глазах Гордея. Он был для меня всем. Он мог достать луну с неба и чертовых русалок со дна морского, и подарить мне, пока хотел этого. Сам хотел. А потом его глаза вдруг стали пустыми.

А то, что случилось две недели назад... это было ужасно. Каждая женщина знает: если мужчина остыл, нужно ид-

ти за новым бельем. Причем таким, чтобы его хотела даже швейная машинка, на которой его же и смастерили. Экономить здесь нельзя, мелочиться – боже упаси! Наше женское тело прекрасно знает разницу между китайской подделкой от Сунь Хунь Выня и "Викторией Сикрет". Только в люксовом белье тело ведет себя по-королевски, и эти флюиды ментально передаются мужчине, даже если он в белье ничего не понимает.

Я обегала половину бутиков Москвы и нашла черный комплект из роскошного кружева с розовыми шелковыми вставками. Черное с розовым – беспроегрывный вариант.

И вот наступил вечер. Гордей вернулся с работы домой. Дождавшись, пока он устало поднялся в спальню по белой лестнице нашего двухэтажного дома, я на цыпочках прокрадась в спальню и прислушалась: в ванной шумит вода, значит, Гордей принимает душ.

Дальше действую по тщательно разработанному плану. Сбрасываю шелковый халат, скрывающий новое белье. Захожу в ванную, снимаю с поручня пушистое полотенце. Шум воды стихает. Гордей открывает дверь душевой кабины и выходит, руками зачесывая мокрые волосы назад. Тонкие струйки воды стекают с широкой накачанной груди на плоский живот, каплями оседая на узких бедрах.

– Гора, родной, давай я тебя вытру, а потом сделаю массаж, – укутываю его большим полотенцем, прижимаясь к сухопарому жилистому телу.

На миг закрываю глаза. Так бы и стояла вечность, прилипнув к большому и сильному мужчине, как к горе. Я так его сначала и называла: Гора, с ударением на "а". Но ему не нравилось, и я просто переставила ударение на "о". Я вообще всегда все делала, как он хотел. Или почти все.

– Не сейчас, Настюша, – он деликатно отбирает у меня полотенце и начинает вытираться. – Прости, жутко устал.

Сдерживая слезы, выхожу из ванной комнаты в спальню. Автоматически бросаю взгляд на свое отражение в большом зеркале напротив кровати. Сгорбленная, скукоженная, униженная. Плечи поникли, спина колесом от обиды. В дорогом белье, которое должно сделать из меня королеву. Должно. Вот только неладно что-то в нашем королевстве. Никак я на трон не сяду. Опускаюсь на кровать. Глотаю горькие слезы, обедев взглядом спальню. Все есть: дорогая кровать с ортопедическим матрасом, антикварные светильники, шелковое постельное белье, шкаф ручной работы и туалетный столик из коллекции Жаклин Онасис. Казалось бы: живи и радуйся. Только счастья нет.

Гордей заходит в спальню, подходит к кровати, ложится и немедленно тушит светильник.

– Спокойной ночи, Настюша!

Я не отвечаю. Нет, Гора, я тебе сегодня не уступлю, даже не надейся. Достāju из тумбочки массажное масло от "Шанель", сажусь на коленки на кровати, аккуратно оттягиваю одеяло, выдавливаю на ладонь немного ароматной гу-

стой жидкости, медленно провожу по мощной спине Гордея. Теплое ароматное масло капелькам растекается по его коже. Прикасаюсь губами к этим капелькам и целую их влажные следы.

Гордей медленно поворачивается ко мне. Я так и знала, что он не сможет устоять!

– Поцелуй меня, – шепчу, подставляя ему губы.

И вдруг натываюсь на взгляд. Холодный, льдистый и злой. Даже яростный. Долго не думая, испуганно отстраняюсь от него, спиной пяясь к краю кровати.

– А ты совсем не понимаешь слов, да? – прищуривается он. – Такое впечатление, что я со стенкой разговариваю!

– Почему ты так злишься? Я просто хотела побыть с тобой. Мы ведь очень давно... месяц уже, как между нами ничего не происходит, Гора!

– А ты еще и считаешь? – усмехается он. – Ну отлично! А ты не посчитала, сколько часов я за этот месяц спал? Сколько задов я вылизал, чтобы ты могла жить в этом доме в элитном – за ногу его – поселке? Сколько стоит ежемесячной обучение нашей дочки Белки в закрытой школе в Англии, где вместе с ней учатся дети родителей из списка "Форбс"? И, кстати, вот это новое белье, что ты на себя напятила. На твою хорошенькую попку сейчас натянута трехмесячная зарплата школьной учительницы!

– Я для тебя его купила! – кричу я, вскакивая с постели. – Чтобы ты меня захотел, наконец! Я, как дура, бегала и вы-

бирала такое массажное масло, чтобы его можно было сли-
зывать! Представляешь, как на меня смотрели продавцы в
магазине? А ты... ты... – захлебываясь слезами, стаскиваю
с себя бэби-долл и бросаю на кровать. – Ты меня не хочешь,
Гордей! Ты на меня смотришь, как на пустое место! И не ври
мне про усталость! Я тебя знаю. Ты даже в бессознательном
состоянии всегда готов к сексуальным марафонам! У тебя
завелась любовница, да? Любовница? Кто она? Сколько ей
лет? Как она выглядит? Брюнетка? Блондинка? Рыжая?

– Не пори ерунду! – устало говорит он. – Нет у меня ни-
кого. Не люблю врать, ты же знаешь. Вот что, Настя, давно
хотел сказать, но не знал как и когда. А сейчас как раз удач-
ный момент. Нам нужно пожить отдельно. Просто отдох-
нуть друг от друга какое-то время. Проверить чувства. Мы
завтра с утра это обсудим. Обещаю! Утром позвони моему
клиенту Гурджиеву и отодвинь встречу на пару часов. А сей-
час спи, –

Гордей ложится в постель, укрывается одеялом и затиха-
ет.

А я так и стою посреди спальни, тяжело дыша, в черно-ро-
зовых кружевных трусиках и таком же лифчике, и вдыхаю
густой запах массажного масла.

– Поговори со мной, Гордей! Слышишь? Поговори со
мной! Ты меня бросаешь? Что значит: поживем отдельно?
Да я с ума сойду до утра!

В ответ – тишина. Он старательно изображает глубокий

сон. Бесполезно.

Я недаром назвала его Горой. О него, как о высокую скалу посреди моря, разбиваются все ненужные лично ему эмоции. Если он решил молчать, то будет молчать. И даже если я сейчас стукнусь головой о стену, он даже не повернется в мою сторону. Потому что он так решил!

Выбегаю из спальни, слетаю по лестнице вниз, пересекаю гостиную и оказываюсь на кухне. Это единственное место в доме, которое делали по моему шучьему велению, а не по желанию Гордея. Поэтому здесь все просто. Стол из необработанного дерева, такие же шкафчики и стулья. Уютный полукруглый диванчик с ситцевым покрытием в красно-белую клетку. Сажусь за стол. Глажу ладонями теплую древесину.

Вот и все. Счастливый брак развалился. Я почти брошенка. Теперь я понимаю, что они чувствуют, хотя мужчина бросает меня не в первый раз. Много лет назад я уже это пережила. С другим. С первой своей любовью. Но там было все просто. Он и с самого начала любил только свою карьеру и себя. И я всегда знала, что это случится. С Гордеем было иначе. Он купал меня в своей любви. Иногда я даже капризничала сверх меры, проверяя: а выдержит ли он женские закидоны? Неужели настолько любит? Выдержал. И на все капризы отвечал улыбкой и готовностью их исполнять.

И иногда мне казалось, что ему даже нравятся мои причуды. Наверное, каждому мужчине время от времени приятно чувствовать себя немного волшебником. А может быть, это

азарт, как у средневековых рыцарей: смогу ли убить дракона ради принцессы? Теперь азарт ушел. Белый конь устал, рыцарь остыл.

В ту ночь я так и не заснула. До рассвета просидела на кухне, а слезы до утра так и не иссякли. Пришлось обтирать лицо льдом — благо в последнее время я завела себе привычку держать в морозилке кубики из пробитого в блендере огурца, смешанного в равных долях с молоком. И долго хлопать ладонями по щекам, снимая отечность. Встречу с важным клиентом перенести не удалось, хотя я позвонила ему уже в семь утра. Гурджиев, который и был этим важным клиентом, должен был в этот день улететь за границу. Богачи вообще живут в вечном цейтноте и не терпят тех, кто мешает их бешеному ритму. Поэтому приведя себя в порядок, я приехала в юридическое агентство, принадлежащее Гордею, где работала его личным помощником. Переступив порог, внезапно успокоилась. Привычная обстановка, тихое жужжание компьютеров, стройные ряды толстых папок на стеллажах — жизнь продолжается. И в сердце даже забрезжила надежда: а вдруг и Гордей с утра отойдет? Может, я ему просто вчера попала под горячую руку? Тоже дурочка: полезла со своими нежностями, не проверив обстановку и настрой. И даже хорошо, что мы с ним с утра не успели поговорить. Я уехала раньше, его будить не стала. Будильник за меня справится. Может, все так утрясется и само рассосется. У Гордея

вообще сейчас сложный период. Он почти вскарабкался на вершину. Гурджиев пригласил его войти в свою адвокатскую группу и доверил собственный бракоразводный процесс. Учитывая его огромный капитал, работа предстояла адская. А Гурджиев – это пик карьеры Гордея. Но сколько сил и нервов это стоило! Гордей пашет, как лошадь. А еще фазы луны, магнитные поля, Сатурн в ретрограде или винограде, Меркурий в первом или сто двадцать первом доме. Ну всегда же есть причина мужской холодности и усталости!

И почти успокоив себя, я подготовила кабинет Гордея к рабочему дню, вышла в приемную и увидела жену Гурджиева. Я замерла, растерявшись. Когда нам говорят о женах мультимиллиардеров, то перед глазами невольно предстают ухоженные хищницы, с головы до ног упакованные в гламурное шмотье. Почти бывшая жена Гурджиева выглядела совершенно по-другому. Учительница первая моя – первое, что пришло в голову при виде нее. Никаких подтяжек, филеров под кожей, золотых нитей в носогубных складках и прочей ерунды, которая из лица делает маску, но при этом считается необходимым атрибутом дам элитарной тусовки. Как они говорят: маст хэв.

Замерев на пороге кабинета Гордея, рассматриваю эту полноватую, лет пятидесяти, в меру накрашенную и очень сдержанно одетую женщину. Никаких декольте, мини и брюк в обlipку – светлая юбка, прикрывающая колени, легкая

блузка, босоножки на крошечном каблучке явно не от кутюр. Возле глаз гусиные лапки, что среди гламурных жен приравнивается к преступлению. И ни одного бриллианта! В ушах серебряные сережки-вкрутки с крошечными жемчужинками, на пальце тонкое колечко с речным жемчугом.

Даже выдавшего виды Гордея удивляет, как ее муж издевается над ней при разводе. Словно мстит за что-то. Гурджиев отнял у бедной женщины все, хотя ей полагалась, как минимум, половина имущества. Но он оставил ей лишь жалкие крохи, только чтобы супруга, которая давно оставила работу, не умерла с голоду. Причем он явно думал не о ней, а о том, чтобы его не осудили за это. А так бы и последние крохи отнял бы. А она даже не пытается оспорить его решение. Почему?

Почувствовав мой пристальный взгляд, она поднимает глаза и тихо произносит:

– Если можно, я бы подписала бумаги до того, как сюда явится мой муж. Очень бы не хотелось с ним встречаться лишний раз.

– Извините, но так нельзя. Сейчас приедет адвокат, приедет ваш муж, и нужно еще раз пройти по всем пунктам. А пока давайте я приготовлю вам чай. У нас есть вкусные шоколадные конфеты.

– Не хочу чаю! И проходить по пунктам тоже не хочу, – возражает она. – Хочу просто подписать их и никогда в жизни его больше не видеть!

Да что она святая, что ли? Или совсем дурочка? Или так устала, что даже не в состоянии думать? То, что я собираюсь сделать – очень непрофессионально. И если Гордей узнает, то он меня убьет. Но удержаться не могу, присаживаюсь рядом с ней, беру ее за руку и шепчу:

– Почему вы не боретесь? Когда вы с ним поженились, у него не было даже сотой доли того, что есть. Это ваше совместно нажитое имущество. Вам полагается гораздо больше тех жалких крох, что он вам оставляет. Если муж за что-то мстит, то это еще не значит, что вы виноваты!

– Я очень виновата, – шепчет она, вытаскивает из сумочки платок и промокает глаза.

Не решаюсь спросить, в чем, но незаданный вопрос витает в воздухе, и она отвечает:

– Я его подвела. Постарела раньше срока, хотя он на пять лет старше. И он теперь меня наказывает. Это ведь так приятно и сладко наказывать того, кто слабее. А знаете что? Давайте ваши конфеты. Все забываю, что мне теперь не нужно считать калории, не нужно быть худой и красивой, – она улыбается одним ртом, а в глазах – ни тени смеха.

Приношу из кабинета Гордея коробку, открываю и протягиваю ей. Она вдруг начинает жадно есть конфеты, одну за другой. Но надкусив четвертую, внезапно заливается слезами. Конфета падает на светлую юбку, оставляя шоколадную кляксу. А женщина, ничего не замечая, торопливой скороговоркой рассказывает. Словно боясь, что ее сейчас прервут.

Так разговаривают люди, которые привыкли, что их часто перебивают. Так разговаривают жены властных и деспотичных мужей.

– Успешные мужья – они все знают лучше нас. Сначала муж скажет: тебе нужно обновить гардероб, поменять прическу и вообще стиль. Потом прикажет скинуть пять-десять килограммов. Потом – что нужно энергичнее двигаться, динамичнее жить и смотреть веселее! И не жаловаться. А еще заняться саморазвитием: сходить на скандальный спектакль, посмотреть нашумевший фильм, прочитать модную книгу. Записаться на курсы йоги и обязательно завести модного коуча. Как же в наше время интеллигентному человеку без коуча? А когда похудеешь, сменишь прическу, купишь гламурные шмотки и начнешь без конца улыбаться, излучая оптимизм и креатив, он скажет, что ничего не поможет, потому что ты слишком старая. И тебя легче выкрасить и выбросить, чем изменить. Мне мой так и сказал. Мы с ним тридцать лет прожили. Он всегда любил активный отдых. Спортивное снаряжение покупал, конечно, самое дорогое. Я вообще это все ненавижу, но муж сказал, что нужно, и я безропотно рысцой бежала в магазин и искала себе модный веселенький костюмчик. Такой, чтобы освежал, стройнил и молодил. И в горы с ним лазила. И рюкзак тяжеленный таскала. Выходила, так сказать, из зоны комфорта, чтобы организм помолодел и начал излучать креатив и оптимизм. Нормальные люди с доходами моего благоверного на пузе в Куршевеле лежали

летом, а зимой в горах Швейцарии фондю кушали золотыми ложечками. А мы с ним все пешком по лесам и горам, на байдарках по горным рекам, по пустыне на верблюдах. И вечерами у костра с гитаркой были бардовские песни в компании его друзей. Если бы вы только знали, как я ненавижу этих бардов с их слезливой романтикой, пропахшей средством от комаров! Но я все молчала. Всю жизнь худела, надрывалась в спортзале, и перед походом в парикмахерскую спрашивала мужа, какую прическу сделать в этот раз. Тщательно внимала его критике. Смотрела на него, открыв рот. Старалась изо всех сил. А потом он как-то рассердился, что я медленно ползу в гору. И сказал: "С тобой ничего не в кайф! Ты слишком старая и унылая! И тупая. Только тупые бабы стареют так быстро!"

Еле сдерживая слезы, спрашиваю:

— И что вы ему ответили?

— А ничего, — шепчет она, всхлипнув. — Что на это можно ответить? Это не лишний вес и даже не неудачная прическа. И суперпупер модный коуч здесь не поможет, расширив сознание и указав кармический путь из третьего глаза. Тридцать лет совместной жизни вот так просто не выбросишь. Тридцать лет я делала все так, как хотел мой муж ради сохранения брака. Искала его одобрения и любви. А потом он просто поднялся в горы наверх, а я осталась внизу, как ненужная вещь. Сидела на камне и плакала, потому что очень устала. Потому что всю свою жизнь прожила не так,

как хотела. А хотела совсем другого: тихих вечеров на море, пироги печь с вареньем, на диване лежать с книжкой. Я прожила не свою жизнь. А он назвал меня старой и бросил у подножия горы. А теперь я хочу просто покоя. Хочу забиться в маленькую квартирку. Пусть она будет величиной с собачью будку, потому что на те деньги, что он мне оставляет, я больше ничего не куплю. Но мне все равно. Все те годы, что остались, я проживу так, как мне хочется, понимаете? Ни у кого не спрашивая разрешения и не нуждаясь ни в чем одобрении. Потому что я выбралась из-под контроля властного мужа. А многие женщины до сих пор нет. И они худеют, стригутся так, как нравится их мужьям, едят то, что не любят, и ездят отдыхать туда, куда велит супруг. Но все равно настанет тот день, когда им скажут: "Ты слишком старая!"

Я как втянула воздух, так и забыла выдохнуть. А что если Гордей думает так же? И его слова, что нам нужно пожить отдельно – это просто интеллигентная отговорка? Не скажет он мне напрямую, что я старая и скучная. Не то воспитание. Но тот же ход мыслей. И характер, как у Гурджиева. Он так же все время стремится вперед. Ему всегда мало достигнутого успеха и взятых высот. А мне хватило бы и половины того, что есть.

И неважно, что Гордей старше меня на три года. Мужчины позже взрослеют, но и стареют тоже позже. Не физически, нет, психологически. И я иногда вижу в нем мальчишеский, даже детский азарт, которого во мне не было и в пятнадцать

лет. Я вообще никогда не была ребенком в полном смысле этого слова. Слишком рано повзрослела, как все балетные. У нас ведь и детства, фактически, нет. И сейчас у меня такое ощущение, что я стою на краю пропасти. Из-под ног осыпаются в бездну мелкие камешки, и меня вот-вот затянет туда, вниз.

А в памяти вдруг всплывают слова Гордея, которые он не раз бросал мне якобы шутя:

– Настюш, какая же ты все-таки премудрая совушка! Ну будь немного проще, легче, что ли? Чтоб ты знала: премудрые совушки часто превращаются в старушек Шапокляк.

Вот же оно! Он мне это сказал давно. И пусть это звучит мягче и смешнее, чем "ты слишком старая". Но смысл-то один: с тобой сложно и уныло, потому что ничего не в кайф.

Господи, что же будет с моей дочкой Белкой? Если Гордей при разводе потребует анализ ДНК, то моей дочке тогда ничего не достанется. Вся ее жизнь разлетится на осколки. Пока мы женаты, он молчит. Но при разводе обман вскрыется, а этого Гордей не простит.

Много лет назад, когда Белке не было и года, он вернулся со стажировки из-за границы и узнал, что я родила. Тут же примчался ко мне и позвал замуж. Зная, что у него был соперник, Гордей мягко предложил сделать анализ ДНК, чтобы быть уверенным на все сто процентов, что Белка от него. По срокам так и выходило. Вроде бы. Но в глубине души я

всегда знала, что дочка не от него, а от Аристарха. И там тоже сроки совпадали. Каждая женщина всегда чувствует где-то там, внутри сердца, кто настоящий отец ее ребенка. Нам и анализы никакие не нужны. Я поняла тогда, что единственный способ вырваться из ямы – это блеф. И я отчаянно блефовала. Боже мой, и откуда только эти навыки взялись? Ведь я раньше и в карты играть не умела. И врать толком не научилась. Но когда речь зашла о моем ребенке, все эти герои со своими суперспособностями могли отползти в темный угол, помирая от зависти. Я поставила на кон все и заявила:

– Конечно, мы можем сделать анализ, но тут вопрос в другом: в доверии. Понимаешь, Гора? Мне важно, чтобы ты мне доверял. А если я должна доказывать тебе, что это твоя дочь, то о ни о каком доверии и речи быть не может. Знаешь, как все эти тесты унижительны для женщины? Не уверена, что смогу потом забыть и простить такое унижение. Или ты мне веришь на слово, или уходи из моей жизни навсегда! Мы с моей доченькой справимся. Мы – сильные. Обе. И я и она.

Он молчал, глядя в окно и раздумывая. А я пережила самые страшные в своей жизни пять минут, после которых могла навсегда остаться ни с чем. Я тогда все время носила в кармане крошечную иконку Матронушки – Матроны Московской, главной заступницы несчастных женщин. И пока Гордей думал, нащупала иконку в кармане и мысленно взмолилась:

– Матронушка, матушка, помоги! Не за себя прошу, за

ребенка! Сделай так, чтобы Гордей поверил и согласился. Ты же сама сирота. Ты же знаешь, как это горько: по чужим углам мыкаться. Не оставь, заступница!

– Согласен, Настюш, доверие – это все, – сказал Гордей, оторвавшись, наконец, от созерцания грязного и страшного двора на самой окраине Москвы. – К черту ДНК!

– Спасибо, Матронушка! Спасибо тебе, родненькая! – мысленно горячо поблагодарила я.

После этого Гордей не раз повторял мне

– Доверие, Настюш, доверие!

Он меня любил и потому верил мне. А я любила и обманывала. Нет, не так. Я сначала обманула, а потом влюбилась в него. Наверное, это неудивительно. Ведь он вытащил меня из такого клоповника!

2 глава. Взрослые игры хищников

Самое яркое воспоминание тех времен – это пирожок возле метро. Дешевый, пожаренный на машинном масле, начиненный непонятным фаршем, о происхождении которого даже не хочется думать. Но он был горячий, исходил паром на морозе и лежал на лотке, поигрывая на зимнем солнце румяным бочком. Мысленно я уже разломила его, обжигаясь, жадно ловила губами сыплющиеся крошки теста и фарша, и, закрыв от удовольствия глаза, жевала и глотала. Но если купить этот пирожок, то впритык хватит на детское питание для Белки. И точно не хватит на мандаринки для нее. А мне так хотелось увидеть, как она сосет оранжевую дольку, смешно надувая толстые щеки. Ведь это ее первая зима и первые мандаринки. Дома есть деньги. Но они отложены на съемную квартиру, за которую нужно платить как раз сегодня вечером. Хозяйка ждать не станет. В прошлом месяце мне не хватило ничтожной суммы. Копеек, буквально. Я обещала занести их ей чуть позже. Она поджала губы и процедила:

– Мы так не договаривались. У меня тоже дети. Двое. А ты у них хлеб изо рта вырываешь!

– Да тут же сумма смешная. Уступите, пожалуйста!

– Смешно тебе? – она задохнулась от ярости, маленькие пороссячьи глазки сначала сверкнули под белесыми ресницами, а потом совсем утонули в мешках налитых щек. – Да я за

эти копейки знаешь как ишачить должна? За овощным прилавком на рынке стоять – это тебе не мелкой кормой на сцене крутить. Лебедь ты недожаренная! Еще раз денег не додашь – вышибу тебя отсюда, и полетишь прямо в свое лебединое озеро без пересадки.

Нечего даже и думать, чтобы с квартирных денег снять немного взять. Поэтому, сглотнув слюну, я пошла за мандаринами. И пока моя кроха ела, раздувая румяные щеки, я все вспоминала тот пирожок, который так и не съела на морозе. И мне было вкусно оттого, что я его не съела. С тех пор ненавижу мандарины и оранжевый цвет!

Той зимой на моем сердце появился огромный страшный шрам. Он нестерпимо болел в те моменты, когда я выходила гулять с дочкой и видела заботливых отцов с детьми. Этот шрам убил во мне правдолюбие, мечты, надежды и порядочность. На этом шраме алой свежей кровью было выцарапано: "Твоему ребенку плохо, потому что ты в этом виновата!"

Сразу после этого Гордей вернулся со стажировки из-за границы и предложил мне другую жизнь. Фактически, спасение, для меня и дочки. И я обманула его, сказав, что Белка его ребенок. Ведь его не было в Москве почти восемь месяцев. И, уезжая, он даже не знал, что я беременна. Да я и сама не знала. Кто меня осудит? Только та женщина, которая не видела, как жадно ее ребенок смотрит на отцов, что играют с детьми в парке. Та женщина, что не знает, какое любопыт-

ство у ребенка вызывают мужчины, которых в его доме нет, и как старательно он лепечет: " Папа!", повторяя за другими детьми, и тянет ручки к чужому мужику. А ты, глотая слезы, шепчешь:

– Нет, солнышко, это не наш папа. Наш папа далеко. Он...

И дальше сказки в меру фантазии: космонавт, летчик, герой невидимого фронта, что защищает родину где-то далеко. Каждая из нас в чем-то Джоан Роулинг. Только не у каждой есть волшебная палочка Гарри Поттера.

– Спасибо за конфеты! – тихий голос жены Гурджиева возвращает меня в реальность. – Настоящий дорогой шоколад ни с чем не перепутаешь! Какой дивный запах! Весь офис пропах. После такого угощения даже не страшно подписывать себе приговор, который содержится в документах на развод, – она слабо улыбается одной половиной рта.

Согласно киваю. Хотя запаха шоколада не чувствую. Аромат того самого жаренного пирожка из прошлой жизни витает надо мной. Нет, я туда не вернусь! Нужно доказать Гордею, что я кайфовая, легкая. Такая, какой он хочет меня видеть. Что я готова на эксперименты. Более того, я сама их ищу и предлагаю. Только вот какие? Это нужно продумать.

Срываюсь с места и тороплюсь к компьютеру. Ищу помощи коллективного женского разума и опыта. От многообразия советов даже рябит в глазах. Сестры по несчастью предлагают перво-наперво разнообразить сексуальную жизнь на-

ручниками с розовой опушкой, париками для смены образа, ролевыми играми.

Ну нет. Только не это! Мое появление в костюме Белоснежки или Красной Шапочки, в лучшем случае, вызовет у Гордея приступ хохота, а в худшем – досадное недоумение. Я как-то прикупила себе в секс-шопе костюм медсестры. Чуть ли не намылившись, еле влезла в белый латексный халатик и чулки с красными резинками. На кого вообще рассчитаны эти костюмы, если я с моей балетной худобой еле-еле в него втиснулась? Гордей внимательно оглядел меня, заломил бровь и сказал:

– Это для меня? Польщен! Но давай играть по-взрослому. Сними этот дешевый бред! Честное слово: очень смешно. А смех с возбуждением вообще не сочетается. Не обижайся, ладно?

Сложно с ним. Игривости в Гордее – ноль. Он сильный, дерзкий, смелый. Он – хищник. А хищники играют по-настоящему. Во взрослые игры. Полчаса лихорадочных поисков, и вот я натываюсь на советы психологов. А они советуют открытый брак. Господи, чего только не придумают! Открытый брак – узаконенная измена, спасение от скуки.

"В открытых отношениях – как на войне: ты знаешь, с чего начнешь, но не можешь предугадать, чем все закончится", – говорят психологи. То есть, игра по-взрослому. Адреналин, непредсказуемость и борьба – все то, что любит Гордей. А я хочу, чтобы моя дочка не осталась без отца. Да и я без мужа,

которого люблю. Если любишь – отпусти. Хоть ненадолго. Хоть временно. Главное: контролировать ситуацию. И свои нервы. Я справлюсь. Я смогу. Докажу ему, что со мной не скучно, что я еще способна удивить.

Вечеринка в доме Гурджиева постепенно теряет солидность и пристойность. Многие пары, изрядно подогрев себя коктейлями, уже разбрелись по беседкам в саду и бесконечным апартаментам дома. Говорят, что сам хозяин не знает точно, сколько комнат в его замке, который и домом-то и не назовешь. Я оглядываюсь, ища тихий уголок необъятного сада. Вроде бы та белая беседка в античном стиле, густо увитая плющом, пока не занята страстными парочками. Прекрасное место, чтобы отсидеться в покое и тишине. Пытаюсь незаметно улизнуть туда.

Не тут-то было! Ко мне подходит высокий красавец, изображающий, очевидно, русала. Он одет в тончайшую рубашку из серебристого шелка и брюки из такого же материала, которые не скрывают, а наоборот, подчеркивают мужскую доблесть. Светлые мокрые волосы зачесаны назад, словно он только что вышел из пучины морской. Голубые глаза внимательно оглядывают меня, очень откровенно и совершенно не стесняясь.

Да что он о себе возомнил? Судя по его смазливой мордашке, он явно из эскорта. Гурджиев, как радушный хозяин, позаботился не только о гостях мужского пола, но и о

женщинах тоже, и нанял целый выводок таких вот сладких мальчиков, которые старательно увиваются вокруг жен, мужья которых уже уединились с русалками и прочей морской живностью.

Ну да, у нас же равноправие. Только мне этот слащавый хлыщ совершенно не нужен. Поэтому окидываю его презрительным взглядом, нарочито поворачиваюсь спиной и пытаюсь пройти к беседке.

Совершенно невероятным образом парень вдруг оказывается прямо передо мной, и, улыбаясь, протягивает мне коктейль ярко-голубого цвета. Как это у него вышло вообще? Только что за спиной стоял! Или это мистика, или меня уже развезло от коктейлей.

Машинально беру бокал, ища глазами Гордея. Мой муж пока еще здесь, неподалеку. Вокруг него увиваются сразу две девушки в костюмах русалок: серебряных лифчиках и прозрачных юбках-сетках. Гордей пожирает их взглядом. Они трутся об него, словно кошки, и чуть ли не мурлыкают. Горло сжимает спазм. Ставлю коктейль на столик и поворачиваюсь спиной. Господи, дай мне сил доиграть эту роль до конца и не убить кого-нибудь! Незнакомец снова сует мне в руки коктейль, подхватывает под локоть и мягко увлекает в дом. И я позволяю ему это. Невыносимо видеть как мой муж хочет этих ядреных, налитых молодым соком телок, но и глаз отвести не могу.

– Да отпустите вы меня! – едва оказавшись в огромном

холле первого этажа, резко выдергиваю руку из его цепких пальцев.

– Почему вы так злитесь, прекрасная незнакомка? – улыбается парень.

– Потому что я терпеть не могу, когда меня хватают и тащат куда-то!

– Я просто хотел показать вам одну очень интересную картину. Вы ведь в первый раз в этом доме, правда?

– А вы здесь регулярно подрабатываете, да?

– Не то, чтобы подрабатываю, – он пропускает колкость мимо ушей и продолжает улыбаться, – но вхож в дом, да. Поэтому знаю, что здесь есть чудесная коллекция портретов балерин кисти самого Дега. И все, заметьте, в подлинниках! Хозяин – большой поклонник балета. И вам точно должно быть интересно. Вы ведь бывшая балерина, да?

Неужели мы с ним знакомы? Нет, вряд ли. Я бы запомнила. Не люблю такой тип мужчин, но парень красивый.

– Откуда вы знаете?

– Это видно невооруженным глазом. Балетная походка, когда стоите – ноги в третьей позиции, – он поставил одну ногу позади другой, плотно прикрыв одной ступней вторую до половины, – и невероятно прямая спина в наш век кошмарной осанки, когда даже фотомодели горбятся из-за того, что все время пялятся в гаджеты.

Наверное, мальчику очень хорошо платят. Вон как старается! Ладно, какая мне разница, где прятаться? По крайней

мере, в его компании другие мальчишки-зайчики из эскорта ко мне уже не подойдут.

– Хорошо, показывайте своего Дега, – подаю ему руку.

– Это на втором этаже, гостевая комната рядом с хозяйской спальней.

– Я так и думала. А не страшно хозяину такие дорогие картины держать в гостевой? Их же и украсть могут.

– А как же ему иначе показать свое богатство? Восточные люди прятать успех не умеют. Если редкие картины никто не видит, то их словно бы и нет. Я, кстати, Макс. Приятно познакомиться. А вы, прекрасная незнакомка?

А он остроумный мальчик. Не тупой – это точно.

– Настя.

– Очень приятно!

Гордей

– Какое у тебя красивое имя, – шепчет фигуристая русалка, прижимаясь к нему всем телом. – Гордей! От слова: гордость. И какая же у тебя главная гордость, а? Покажешь ее нам? – тонкая рука скользит вниз, оглаживая брюки.

По привычке он нервно оборачивается, ища глазами жену. Насти нигде нет. Вот и славно. Несмотря на то, что они все обговорили заранее, и Настя согласилась прийти сюда вместе с ним, вести себя по-европейски и не устраивать истерик, все же было как-то странно вот так обжиматься с двумя

юными красавицами на глазах у жены. К свободе тоже нужно привыкнуть. Хотя, судя по всему, привыкать придется только ему. Остальные гости не стеснялись. Их ряды на лужайке сильно поредели, переместившись в укромные уголки, из которых доносились характерные звуки.

– А тебе уже есть восемнадцать? – поинтересовался Гордей.

Адвокатская привычка сработала на автомате. Конечно, красавиц Гурджиев подбирал лично и должен был продумать такие нюансы. Но лучше подстраховаться. Что позволено Юпитеру – не позволено быку. Гурджиеву при любом раскладе за развлечения с малолетками ничего не будет. А вот Гордей до такого уровня вседозволенности точно еще не дорос.

– А то! Мне целых девятнадцать! Хочешь, паспорт покажу? – прошептала русалка и пощекотала языком мочку его уха. – Он у меня здесь, в трусиках, – она взяла руку Гордея и положила на нежную теплую кожу под прозрачной юбкой.

– Спасибо, верю на слово, – Гордей отдернул руку, не удержавшись, ущипнул ее за тугую попку и отхлебнул коктейль.

– А меня даже не спросил, – обиженно надулась вторая русалка. – Я что такая старая, да? Выгляжу уже на двадцать лет?

– Что ты! – Гордей в ужасе округлил глаза. – Так долго люди не живут! Нет, конечно!

Русалки захихикали и потащили его в маленький гостевой домик за кустами жасмина. Гордей подчинился. В конце концов, для чего еще его сюда пригласили? Кроме приятного времяпровождения, главной целью было: совместно с женой набраться адреналина, чтобы удержаться в браке.

Не ради Гордея – для него все уже окончено. Но Настя попросила дать их отношениям второй шанс. А Гордей до недавнего времени всегда исполнял ее просьбы. Или почти всегда. При ее характере ревнивой собственницы было очень сложно принять такое решение. И Гордею даже льстило, что ради любви к мужу она готова переступить через себя.

Настя так и не поняла, почему все вдруг начало разваливаться. Много лет, целых одиннадцать, начиная с того самого самого дня в 2008 году, когда Гордей вернулся со стажировки из-за границы, нашел Настю одну с дочкой на окраине Москвы в какой-то страшной халупе, и немедленно выдернул из этого ада, он чувствовал себя спасителем. И это было упоительно! Знать, что женщина, которая лежит под тобой, обнимая тебя сильными ногами, зависит от тебя полностью. Что ты спас ее и ребенка. Своего ребенка, о существовании которого сначала даже не знал, не догадывался.

Но дочь росла. И сходства с Гордеем становилось все меньше. Наоборот, в ней явственно проступали черты Аристарха – того самого козла в белых рейтузах, который скакал по сцене Большого, и первым сорвал цветок Насти, хотя как соперник, и в подметки не гордился ему, Гордею. И вопрос:

"А действительно его ли это его ребенок?" все чаще не давал Гордею уснуть по ночам. И из рыцаря и принца на белом коне он постепенно превратился в лошка, которого грамотно использовали. Кому приятно узнавать в ребенке чужие черты? Если бы он заранее знал, что Белка – дочь Аристарха, он бы воспринял это нормально. В конце концов, ему ли как адвокату, не зная сколько мужиков растят не своих детей?

Но он ведь привык видеть бесконечно благодарный и влюбленный взгляд Насти. Он привык ей верить. А в последнее время ему все время кажется, что этот взгляд фальшивый. Что за ним прячется тонкая усмешка:

– Посмотри, Гордей, как я тебе благодарна, как я тебя люблю!

А его за спиной тихий смех.

И из-за этого ощущения фальши у него вдруг перестало с ней получаться в постели. Неутомимый и ненасытный в сексе, Гордей начал давать сбой. Едва его кавалерия победно врывалась в осажденный город жены, кони уставали и ложились отдохнуть. Причем засыпали, как убитые. И ничего не могло их разбудить. Ни игры, ни смелые ласки, ни уговоры. Мужское достоинство Гордея безвольно повисало, как приспущенные в трауре флаги на башнях.

Сначала он грешил на Настю, на железные мышцы балерины, которые слишком крепко сжимали его гордость. А потом понял, что дело не в ней, а в нем. Одиннадцать лет он рвался наверх, в высшую лигу адвокатуры. Осень сменяла

лето, весна — зиму, а у него не было времени даже подумать и подвести итоги. Наверх! Наверх! И когда он добрался до вершины и стал одним из самых цепких и дорогих адвокатов Москвы, купил шикарный дом в элитном поселке, две дорогие машины, отправил дочь учиться в закрытую школу в Англии, где с ней за одной партой сидели дети российских, и не только, олигархов, то у него вдруг появилось время подумать. И все пошло прахом.

Сами собой возникли ненужные вопросы. И Настя больше не была его девочкой, которую нужно прятать за спиной, зубами выгрызая для нее счастье. Несмотря на блестящее образование и широкие взгляды, Гордей в глубине души считал, что все должно идти как заведено веками: мужик борется за свою женщину со всем миром, принося в зубах мамонта. А женщина, теплая и покорная, обнимает его собой, благодаря за борьбу во имя тепла семейного очага. Покорность в Насте еще осталась, но казалась больше хитростью. Поэтому не умиляла и не возбуждала, как раньше, а даже временам раздражала. Ему хотелось схватить ее, встряхнуть так, чтобы голова безвольно мотнулась назад, дать пару оплеух и закричать:

— Скажи правду! Скажи, наконец!

Но Гордей быстро приходил в себя, вспоминая, что сам предложил заключить брачный контракт, а она легко согласилась, даже не читая документ. А может быть, все же развестись, чтобы поставить, наконец, точки над "и"? Тогда мож-

но будет сделать тест ДНК, чтобы точно знать: Белка – это его дочь или нет?

Ему было бы легче, если бы у них был еще один ребенок. Гордей страстно мечтал о сыне. Иногда ему казалось, что Настя специально не хочет малыша, подсознательно понимая, что своего ребенка он будет любить больше.

Они с Настей были у самых дорогих врачей. И все светила медицины в один голос говорили, что у них у обоих все в порядке со здоровьем. Но ничего не получалось. Дошло до того, что Гордей даже решил поехать в Израиль к Стене Плача. После того, как жена одного знакомого, устав от бесконечного лечения и гормонального ада, просто приехала в Иерусалим и положила крошечную записочку между белыми камнями Стены: "Бог, дай мне ребенка!"

Через месяц она забеременела. И счастливый муж, с которым Гордей играл в теннис каждое воскресенье, сказал ему шепотом:

– Слушай, я не знаю, как это работает. И лучше об этом не думать. Но мы с женой пятнадцать лет лечились. И ничего не помогало. А потом просто случилось, и все. Тебе что денег на билеты жалко? Или на клочок бумаги?

Через две недели Гордей с Настей уже шли по залитому солнцем Иерусалиму. Гордей подошел к Стене Плача, просунул записку между белыми, раскаленными от солнца камнями, прислонился к ним лбом и пару минут просто молча постоял, обращаясь к Нему. А потом отошел на пару шагов,

давая место другим страждущим, и сел на белый пластиковый стул. На соседний стул устало опустился сухонький старичок-раввин в черном пиджаке, белой рубашке и широкополой черной шляпе.

– Ой, какая жара! – пожаловался он. – Слушайте, кто бы попросил Бога включить в небесах над стеной кондиционер? Ему же это точно не будет стоить ни копейки в отличии от нас с нашими ценами на электричество, при которых уже и антисемитов не надо. Мы умрем сами!

Гордей молча кивнул, занятый заветными мыслям.

– Издалека приехали, как я посмотрю? Судя по вашему лицу, таки все плохо. Неужели настолько? – поинтересовался раввин.

В его миндалевидных глазах было столько участия, что Гордей, который никогда ни с кем не делился своими проблемами, вдруг выложил ему все.

Раввин молча выслушал. А потом мягко сказал:

– Проблема вашей женщины не здесь, – он прикоснулся к животу, – а здесь, – он показал на сердце. – Поверьте, молодой человек, женщины обладают такой невероятной силой, что стоит им чего-то не захотеть, и это таки не получится, даже если вы подпрыгнете до небес. Причем она может это делать не специально, неосознанно. Может быть, она чего-то боится? Или не полностью доверяет вам?

– Разве такое возможно, чтобы женщина подсознательно запретила себе беременеть? – растерянно спросил Гордей

– А почему вы думаете, молодой человек, каждый еврей в утренней молитве обязательно говорит: "Господи, спасибо, что не сделал меня женщиной?" Потому что ни один мужчина не выдержит того ада, который творится в женском сердце и очаровательной головке. И знаете что? – он понизил голос, оглянувшись, придвинул стул вплотную к стулу Гордея, и горячо прошептал ему в ухо: – Мне иногда кажется, что эти хулиганы, которые говорят, что бог – это женщина, где-то по-своему правы. Иначе почему у Него так часто меняется настроение? Особенно, когда это касается денег. Стоит вам немножко подзаработать, и вы уже рады, что можно чуть-чуть отложить на потом, так Он тут же вам придумывает новые расходы, которые сыпятся на вашу голову без остановки. Разве женщины не ведут себя также?

И глядя, как горячий ветер тихо шуршит белыми листками бумаги, наполненными слезными просьбами и втиснутыми в щели Стены, Гордей почувствовал, как в его доверии к Насте зазмеилась такая же трещина. Только записку в нее не положишь. Слишком больно. И слишком плотно срослись камни недоверия в его сердце. Пятясь от Стены по площади, чтобы не поворачиваться к святыне спиной, Гордей решил, что им с Настей нужно расстаться. Если не навсегда, то хотя бы на время. Ему необходимо почувствовать свободу. Подумать и проверить: сможет ли он без жены?

Картины в комнате для гостей и вправду прекрасны. Легкие, как мотыльки, балерины Эдгара Дега парят в воздухе, пронизанные светом. Странно видеть их в этом доме. В жизни бы не подумала, что Гурджиев – поклонник художников-импрессионистов и балета. И хотя внешность обманчива, но все же очень странно обнаружить у такого хищника любовь к нежному и прекрасному.

Делаю шаг назад, чтобы рассмотреть картины на расстоянии, и натыкаюсь на Макса. Он обнимает меня двумя руками и целует в затылок. По телу пробегают мурашки. Меня охватывает какая-то страшная гадливость. словно ко мне прикоснулся мерзкий таракан, а не красивый молодой мужчина. Зябко передернув плечами, вырываюсь, отталкиваю его и резко говорю:

– Давайте считать, что у нас уже все было!

На его лице мелькает замешательство.

– Ээээ... это, простите, как? Не понимаю!

– А вот так. Будем делать вид, что мы переспали.

– Извините, но я, действительно, не в состоянии понять, что вы имеете ввиду, – Макс пожимает плечами.

– А что тут непонятного? Вам никогда не отказывали женщины? Я вас не хочу!

Хотела еще добавить: "Вы мне физически неприятны", но сдержалась.

Судя по его лицу, видимо, действительно, не отказывали. Наверное, их можно понять. Ну да, конечно! Высокий, мускулистый, из-под распахнутой рубашки виднеются те самые знаменитые "кубики" на прессе. Рельеф мышц, как нарисованный. Наверное, нужно убиться в спортзале и упиться пищевыми добавками, чтобы такое накачать. Я привыкла к балетным танцорам, большинство которых сложены, как боги, но даже у них такого нет. Я, по крайней мере, не видела.

– Малыш, ты очень напряжена, – мягко говорит он и снова обнимает меня. – Это с непривычки. Давай я сделаю тебе массаж, ты расслабишься, и все будет хорошо, – он одним прыжком оказывается сзади меня, неожиданно ловко и быстро нажимает обеими руками на мои шейные позвонки.

Пытаюсь его оттолкнуть, но по телу, натянутому, как струна, вдруг разливается такое блаженное тепло, что я прерывисто вздыхаю. Макс увлекает меня на кровать и шепчет:

– Просто массаж, и все. Расслабься, малыш!

– Не называй меня малышом. Я этого терпеть не могу!

– Хорошо, – примирительно шепчет он. – Как скажешь, – он кладет меня на шелковое покрывало животом вниз и пробегает пальцами по позвоночнику. – Ты вся – сплошной узел, нельзя же так нервничать. Расскажи мне, что случилось. Я умею хранить чужие тайны. Представь, что я – твой психолог.

С ума сойти! Бред какой-то! Да что он о себе возомнил? Руки у него волшебные, с этим не поспоришь, но неужели он

думает, что я сейчас начну исповедоваться? Не люблю нагледцов. И всегда ставлю на место. Тем более вот таких мелких, которые мнят себя мужиками с опытом, потому что привыкли к тому, что скучающие взрослые тетеньки тянут к ним свои загребушие жадные ручки, униженные бриллиантами. Твоя очередь огрести, мальчик! Резко поднимаюсь, сбрасывая его руки, и поворачиваюсь к нему лицом, усевшись на колени. А мальчик бойкий. Он уже и рубашонку скинул. И теперь поигрывает мускулами на накачанной груди. А на лице такая легкая ухмылка: мол, не ломайся, тетенька, шансов устоять у тебя ноль из тысячи.

Бросаю презрительный взгляд на его мужские красоты и ядовито усмехаюсь:

– Давай-ка определимся. Я тебя сейчас огорчу до невозможности. Вообще-то ты просто стриптизер. Поэтому не нужно строить из себя то, чем ты не являешься. Твои приемчики жиголо на меня не подействуют, поэтому оставь меня в покое. И не трать время зря. У тебя ведь время – деньги, правильно? Пока есть возможность, поищи себе здесь среди гостей другую маму для вот этого мамонтенка, – я, брезгливо поморщившись, тычу пальцем в его брюки.

Отравленная стрела достигает цели. Жгучая обида мелькает в его глазах. Он вскакивает, низко кланяется и вдруг тонким скоморошьям голосом скороговоркой выдает:

– Простите холопа, барыня! Не извольте гневаться! Виноват, дерзил и за то розгами уму-разуму научите. Сами мы

не местные, да! – он с громким хлопком бьет себя по плечу и отвешивает земной поклон, – ради пропитания в стриптиз-клубе работаем. Только не танцами у шеста занимаемся. А ночным администратором вкалываем. Так себе и на учебу заработали, и прочее все. И денежки идут, и клиенты начинающему психологу. Там же много богатых барынь, вот таких, как вы. И всем психолог нужен. Потому что они замужние и одинокие. А тут мы со своим рыльцем к барыням-то и подкатываем. Мы же, холопы, по природе своей проворные, хоть и на конюшне выросшие. Не маааасковские мы, оттого пропитание всюду ищем. Так что вы, барыня, не стесняйтесь, по наглой ряшке нам дайте. А то мы же немытым суконным рылом-то – да и в калашный ряд! – он отворачивается и уходит к окну.

Жгучий стыд заливает краской мое лицо. Кошмар! Чувствую себя последней дрянью. Прав он, тысячу раз прав. Я сейчас себя повела, как наглая избалованная тварь. Эдакая барыня. А ведь сама из маленького городка, и тоже здесь в Москве хлебнула коричневой субстанции. В конце концов, он просто делает свою работу и не виноват, что у меня проблемы с мужем, и меня всю трясет. Это не он, а Гордей сейчас развлекается там, в укромном уголке, с двумя русалками, чтоб им обеим сгореть! И вся вина этого мальчика лишь в том, что он – не мой муж. Подхожу к нему. Он стоит у окна спиной ко мне. Осторожно дотрагиваюсь до его широкого загорелого плеча и умоляю:

– Прости меня, пожалуйста! Я не хотела, чтобы ... так... правда. Я сама не москвичка. И тоже не родилась в шоколаде. И никакая я не барыня. Просто...

– Просто тебе очень хреново, – Макс резко оборачивается, и моя рука утыкается в его грудь. – Как ни странно, понимаю.

У него умные глаза, когда он не пытается понравиться и изобразить из себя мачо и секс-машину. И лицо, при ближайшем рассмотрении, очень уставшее. Наверное, богатые дамочки ему обрыдли в конец, а сделать ничего не может. Жить-то нужно! Вернее, выживать. Я сама выживала. Мне ли его осуждать?

Макс запахивает рубашку, достает из кармана брюк очки в тонкой золотой оправе и надевает их. Дужка цепляется за ухо, он ее сильно дергает. Я немедленно прихожу на помощь и одеваю ему очки ровно и правильно.

– Ну, если у нас уже все было, как ты сказала, тогда я с твоего позволения, конечно, выйду из образа рокового красавца. Очкарик же тебя меньше пугает, правда?

Я киваю, и, не удержавшись, смеюсь.

– Вот, – довольно улыбается он. – Мне даже удалось тебя рассмешить. Так-то лучше. А то серьезная такая, что аж страшно. Слушай, а давай чего-нибудь погрызем, а? Тут такие фрукты хорошие! Явно не из "Пятерочки" по акции. А то мне там в саду было не до еды. Неудобно жрать, когда вокруг сплошные аристократы, – он подходит к столику возле

кровати, берет большое белое блюдо с золотой росписью по краям, и ставит на кровать.

В центре блюда громоздится гора фруктов: манго, ломтики дыни, киви, янтарный виноград. По краю блюда выложены крошечные печенки и миниатюрные конфетки в форме шоколадных капель.

– Присоединяйся, – он хлопает ладонью по шелковому покрывалу рядом с собой. – Будем с тобой, как в том анекдоте: не догоню – так хоть согреюсь.

Я присаживаюсь на кровать. Он протягивает мне гроздь винограда.

– А ты, действительно, психолог? – янтарная ягода лопается во рту, сок течет по моим губам.

– И причем довольно успешный, хоть и недавно начал, – он достает из кармана брюк бумажную салфетку и вытирает мне губы.

Причем без всякой эротики, а очень спокойно, деловито и по-дружески.

– Я бы из стриптиз-клуба уже и ушел бы, но неудобно перед владельцем. Он мой друг. И очень мне помог в свое время. Так что работаю пока. Да и клиентки там знатные. У нас два раза в неделю женские дни, когда мы посетителей-мужиков вообще не пускаем. Ну и слетаются к нам богатые и одинокие замужние женщины, чтобы душу отвести. На парней наших красивых посмотреть. И тут я уже не зеваю. У меня глаз наметанный, сразу вижу, кому профессиональная

помощь нужна. Так и собираю хорошую клиентуру.

– Не понимаю, что значит одинокие замужние? Женщина или замужем, или одинока, – удивленно пожимаю плечами я.

Макс замирает, не донеся кусочек дыни до рта, кладет его на блюдо и внимательно смотрит на меня профессионально пытливо. Вот теперь узнаю психолога. У них у всех такой особый взгляд, как рентген: вроде смотрят в глаза, но при этом сквозь тебя.

– Одинокие замужние женщины, – медленно роняет он и отворачивается, – внешне они ничем не отличаются от тысяч замужних женщин. Пользуются косметикой, устало бегут по утренним и вечерним улицам. Ходят в спортзал, мажут попу антицеллюлитной мазью. Но если поговорить с ними по душам, то откроется страшная правда: они одиноки!

– Разве такое бывает в браке? – дрогнувшим голосом спрашиваю я.

– В браке и не такое бывает. Одинокие замужние всегда задерживаются на работе. И находят множество причин: то начальник – сволочь, то подчиненные – идиоты, которые сами ничего сделать нормально не могут. Эти женщины придумывают миллион отговорок, потому что боятся признаться себе, что их пугает домашняя пустота. Они равнодушно готовят невкусный ужин. Дежурно бросают: «Как дела?» мужу, уткнувшемуся в монитор компьютера. И получают такой же равнодушный ответ, иногда с небольшими вариациями:

"Нормально, устал, жрать разогрей!" А еще замужние одинокие страшно боятся выходных. Потому что тогда особенно чувствуется, что когда-то дорогой и желанный муж давно превратился в чужого человека. Происходит это постепенно, не за один день. Как ржавчина, что медленно копится, пока не сжирает все. И очень сложно признать, что люди меняются под гнетом жизненных обстоятельств. Иногда непоправимо. Меняются так, что нам с ними уже не по пути. Разбиваются любимые чашки и их уже не склеить. Выходят из строя телевизоры и компьютеры. Рвется любимая шуба. Портится старая косметика. И когда это случается, мы просто выбрасываем хлам на помойку. И ведь никто не говорит нам: "Нужно было лучше выбирать шубу, тогда бы она не порвалась. Надо было аккуратнее обращаться с чашкой, тогда бы она не разбилась". А вот о браке так говорят всегда. Осуждают, обвиняют, ругают. И что интересно: мы понимаем, что у вещей есть свой срок годности. Но про отношения мы такого знать не хотим. Пытаемся убедить себя, что они вечные. Видела египетского сфинкса?

Я молча киваю.

– Вот подумай только: такой огромный зверь охраняет гигантскую пирамиду, внутри которой крошечная, давно высохшая мумия. Так же и супруги, чей брак давно иссох и иссяк, продолжают молиться на эту мумию былой любви. Хранить ее и из последних сил пытаются доказать самим себе и всем окружающим, что она еще жива. И вот одинокая за-

мужняя женщина приходит домой, а там сидит какой-то чужой мужик. Спит в твоей постели, пачкает полы, и еще и требует пожрать, отдаться, погладить, постирать. Он занудно выпытывает, где ты была, дает ценные указания, с кем дружить, и брюзжит, как ужасны твои подруги. А ведь они – всё, что у тебя осталось. При первой же возможности одинокие замужние шопятся с подругами, едят вместе в кафе и даже бегут к любовнику. Просто чтобы почувствовать себя живыми. А с любовником эти женщины все время проверяют телефон: не хватился ли благоверный? Не потому, что он ревнует. А просто по привычке.

И, отдавшись на дешевых гостиничных простынях пару раз, одинокие замужние бегут домой. И, жаря картошку на кухне, не понимают, на кой черт они променяли страстные поцелуи на плиту и 1525-ю серию тупого сериала про ментов. Они не могут объяснить, почему они это делают. А я могу. И объясняю им, что они просто боятся остаться совсем одинокими. И они не осознают, что уже чудовищно одиноки. И что самый ужасный их кошмар давно уже превратился в реальную жизнь.

3 глава. Султан ее гарема

Ненавижу плакать на людях. Но и сдержать слезы не в состоянии. Я с такой силой вцепляюсь в покрывало на кровати, что пальцы сводит судорогой. Ведь это он обо мне говорил. Эта страшная пустота, эта зияющая дыра на том месте, где когда-то были яркие чувства – моя нынешняя жизнь. Просто я еще не решилась сама себе признаться в том, что давно уже одинокая замужняя.

– Знакомо, правда? – спрашивает Макс.

Молча киваю.

– Иди ко мне, моя бедная, маленькая, большая девочка, – шепчет он, обнимая меня.

Прижимаюсь к нему, ощущая каменные мышцы широкой груди, замираю в его жилистых руках, потому что мне сейчас просто необходимо прижаться к кому-то сильному и понимающему. Раньше таким был Гордей. Бывало, прижмусь к нему, когда грустно, утону в его сильных руках, вдохну такой родной мужской запах и сразу все кажется поправимым и не таким страшным. Гордей давно уже не обнимает меня так, как Макс сейчас. Закрываю глаза, и на миг мне кажется, что я снова с любимым мужем, и все, как раньше. Но в безмятежную тишину короткой паузы врывается голос Макса. И я вздрагиваю. Он не Гордей. Он хороший, понимающий, ласковый. Но он не мой муж! Боже, что я творю? Мы уже

обнимаемся! Отстраняюсь от него и шепчу:

– Прости! Неловко как-то вышло.

– Да все в порядке, – улыбается он. – Кстати, открытый брак – это когда и мужчина и женщина имеют любовников. Твой муж явно не теряется, а с тобой-то что?

– А мне не нужно, – встаю с кровати и подхожу к зеркалу.

Оно отражает заплаканную печальную женщину с растрепанными волосами. Ужас какой! Совсем я что-то распустилась. Руками привожу прическу в порядок.

– Нет, так нельзя, – горячо возражает Макс. – И вообще с твоим подходом открытый брак – это бред, который закончится тем, что муж тебя бросит. И вместо примирения будет просто долгая агония брака.

– Ты странный психолог, Макс!

– Я – хороший психолог, Настя. Потому что волнуюсь за своих пациентов.

– А я уже твоя пациентка? – это звучит гораздо резче, чем хотелось.

Он обиженно поджимает губы и отворачивается. Да что со мной сегодня? Не женщина, а колючий взъерошенный ежик. Совершенно незнакомый человек возится со мной, хотя приглашали его не для этого. И потом, может быть, это как раз то, что мне сейчас нужно? Грамотный профессиональный совет и холодный взгляд со стороны? Я ведь совсем одна со своей бедой.

Подруг у меня нет. Я родилась в Оханске – крошечном

городке в Пермском крае. В десять лет мама привезла меня в Москву, и меня приняли в МГАХ –хореографическую академию при Большом Театре. Подруг детства из родного Оханска я быстро растеряла. А в хореографическом все друг другу заклятые врагини, которые иногда сбиваются в стаи и дружат против остальных. У балетных почти нет друзей. Особенно когда одной с раннего возраста начинают давать ведущие роли, как мне, а другие танцуют лебедей на заднем плане. Вот тут-то ми-ми-ми заканчиваются и начинается битое стекло в пуантах перед премьерой. Поэтому лучше быть одной. Мама живет далеко, она так и осталась в Оханске. Отца я никогда не видела. Даже не знаю, кто он. Мама всегда злится, когда я пытаюсь хоть что-то узнать о нем. Да и не близки мы настолько, чтобы ей в жилетку плакаться. Так почему бы и не воспользоваться шансом, который так неожиданно подвернулся? Нужно только загладить неприятную шероховатость.

– Прости. Макс, я не хотела так...

– Ладно, проехали. Это тебе решать: буду ли я твоим психологом. Поверь: я не навязываюсь, но мне кажется, что в такой сложной ситуации одной тебе не выплыть.

– Согласна, – подхожу к кровати и протягиваю ему руку. – Мне, действительно, нужна помощь. Или хотя бы с кем-то поговорить. По рукам? Ты мне скажи только, сколько я тебе должна за беседу и вообще.

– Ух ты, деловая колбаса! – смеется он, пожимая мою ру-

ку. – Все меркантильное потом. Сейчас главное: это ты и наша стратегия поведения. Сядь-ка напротив меня, – он хлопает ладонью по покрывалу.

– Зачем?

– Да не бойся ты, – улыбается он. – Приставать не буду. Просто не спорь и сядь напротив.

Сажусь на кровать напротив него.

– Отлично! – Макс берет меня за ногу и начинает массировать ступню.

От его сильных длинных пальцев у меня по всему телу пробегают мурашки и из груди вырывается стон:

– Боже!

– А то! Это я уже начал работать и применяю свои личные методы. Расслабься, сейчас легче станет. Тебя всю так зажало, что я на это смотреть не могу. У меня аж челюсти сводит. Просто сиди тихо и наслаждайся. Так вот о твоей ситуации: сделать нужно по уму. Знаешь, для чего на самом деле женщины соглашаются на открытый брак? Потому что в глубине души надеются, что муж сходит налево, выпустит пар, а потом приковыляет обратно к супруге и падет в ножки. И будет бить себя пяткой в грудь, бормоча: "Прости, любимая, лучше тебя на свете нет". Признайся, что тоже думала об этом? – он одновременно сжимает все пальцы на моей правой ноге, и я, ойкнув, выдыхаю:

– Думала. Конечно же, да!

– Я так и понял. Но как этого добиться?

Хороший вопрос! Если бы я знала на него ответ!

– Не знаю я, Макс. Да и ни одна женщина не знает.

– Я знаю, Настя. Нужно контролировать его походы налево. Любовница должна быть проверенная, из своих. Чтобы грамотно поимела навар, но при этом не увела из семьи.

– И где такую взять? Мне дать объявление в интернете: "Куплю любовницу для мужа"?

– Зачем в интернете? – пожимает плечами он. – Я тебе найду до черта голодных провинциальных девочек, которые только приехали в Москву, мечтают зацепиться, обрести связями, и, что главное: еще не успели заматереть и оборзеть. У тебя есть свои деньги, чтобы их малость стимулировать? Кроме того, что твой муж будет дарить им подарки?

– Да, у меня есть свой счет, о котором муж не знает. Там не так, чтобы много, но для такой цели должно хватить. На черный день заначку собирала.

– Это правильно. А то я, знаешь ли, полно видел таких дурочек, которые живя с богатым мужем, тратили все до последней копейки на шмотки и гулянки, а потом, когда их мужик находил новую красотку, оставались у разбитого корыта. Давай сделаем так: я завтра тебе позвоню и приведу девочек. Из тех, кто приходил пробоваться к нам в стриптиз-клуб, а их не взяли, потому что они красивые, но танцевать не умеют. У нас в клубе до чрезвычайности строгий отбор. Заведение очень дорогое. Поэтому просто извивы попой возле шеста не пройдут. Нужны настоящие танцовщицы

экстра-класса, – он достает из кармана брюк телефон и протягивает мне: – Набирай свой номер.

Не знаю, почему говорят, что утро вечера мудренее. На следующее утро наша с Максом затея показалась мне какой-то нереальной. Вчера вечером, после нервов, коктейлей и слез, в интимной тишине гостевой комнаты пропитанного флюидами секса огромного дома, весь план Макса выглядел по-другому: как очень реалистичный выход из сложной ситуации. Но сейчас, в зыбком утреннем свете, который освещает мою просторную кухню, все это выглядит, как кино, не имеющее никакой связи с реальностью.

Яичница шипит на сковородке, разбрызгивая масло. В глубокой задумчивости едва не прохлопываю тот момент, когда нужно снимать глазунью с огня. Ее "глазики" уже начали светлеть и покрываться пленкой передержанного желтка. Поспешно снимаю сковородку с комфорки. Гордей терпеть не может, когда желток в глазунье не жидкий. Он это называет "слепой яичницей". Аккуратно перекладываю яичницу на тарелку и ставлю на стол перед Гордеем. Шепчу:

– Приятного аппетита! – и открываю масленку.

Гордей внимательно смотрит на обычное белое масло и спрашивает:

– А что масла с зеленью не осталось?

– Нет, то, что было, ты доел, а приготовить новое я не успела.

Гордей хмурит брови, и, вздохнув, мажет масло на свежую

булочку. Он обожает сливочное масло, перетертое с зеленью, а я ненавижу его готовить. Но приходится делать это раз в несколько дней. Мне вообще приходится самой кулинарничать, хотя средства позволяют взять домработницу. В нашем элитном подмосковном поселке я – единственная жена, которая готовит сама.

Гордей не выносит прислугу в доме. Есть приходящая два раза в неделю уборщица, и на том спасибо, что мне не приходится тряпкой махать. По его мнению, еда должна быть приготовлена руками заботливой жены. Гордей настаивал на этом еще в начале брака. Ему было важно, чтобы я крутилась у плиты, чтобы сама жарила и варила. Хотя готовила я всегда так себе. Очень старалась, но если бог таланта не дал, то уже не дал. Это как у нас в балете: есть славные ребята из кордебалета, которые честно исполняют роль массовки и живых декораций, а есть солисты. И вроде все делают тоже самое, но у примы-балерины в каждом движении – магия. А кордебалета – лишь техника. Так и с готовкой: вроде я все делаю строго по рецепту, а получается не особенно вкусно.

Иногда, когда мне хочется побаловать Гордея и изобразить из себя великую хозяйку, я тайком покупаю в хороших ресторанах вкусную еду, разрываю красивые упаковки, перекладываю в домашнюю посуду, и специально убираю все профессиональные украшения: цветочки из морковки, завитушки из зелени, чтобы выглядело естественно, как домашняя стряпня.

Но позволить себе такой обман я могу только в будние дни, когда Гордея нет дома. Если же воскресный обед готовится при нем, а он, как назло, очень любит сидеть за компьютером на кухне во время моих кулинарных страданий, то мне приходится прикладывать все свои усилия, чтобы не испортить блюда. Гордей, будучи перфекционистом, воспринимает кулинарные неудачи не как элементарное отсутствие таланта и умения, а как небрежность и невнимательность к нему самому.

Гордей глубоко убежден в том, что если женщина хочет угодить мужчине и станет упорно учиться готовить, то из нее выйдет настоящий шеф-повар. И поговорка о том, что путь к сердцу мужчины лежит через желудок, принимает у него особый смысл: не любишь, не стараешься, невкусно готовишь. Такая вот замкнутая намертво логическая цепочка. Поэтому ритуалы совместного приготовления пищи по выходным, которые должны, по идее, укреплять отношения и создавать атмосферу уюта, я всегда воспринимала, как проверку на прочность и мысленно проклинала всех психологов вместе взятых.

Из-за этого всего я страшно устаю. Мне приходится быть поваром дома и при этом еще шустрить личной помощницей Гордея на работе. И успевать приводить себя в порядок. И еще куда-то выходить в кино или в театр. Как бывшая балерина я почему-то у нас автоматически считаюсь гидом мужа по искусству. Знаю, что так живут многие женщины, но

в элитном поселке, где жены богатых мужей убивают время в дорогих салонах и постят по пятьдесят фото в день в Инстаграме, я впахиваю, как Золушка. И не потому, что Гордей жадный. Нет, он совершенно не скупой. Просто как заядлый трудоголик, он ненавидит праздное времяпровождение и считает, что женщине нельзя давать скучать, иначе в ее голову могут прийти не те мысли. Элитных жен он на дух не выносит. Поэтому мне приходится быть Шехерезадой: отлично выглядеть, готовить, работать и еще и развлекать своего султана, составляя культурную программу.

– Яичница сегодня удалась на славу. Спасибо! – не глядя на меня, он отпивает кофе, просматривая новости в телефоне, и вдруг начинает тихонько напевать.

Настроение у него преотличное. Давно его таким оживленным не видела. Судя по всему, вчера его игры с русалками удались на славу. Закусываю губу, пережидая острый приступ обиды, и, стараясь, чтобы голос звучал нейтрально, спрашиваю:

– Ну как вчера было?

– Если ты о сексе, то с этими девочками у меня ничего не было.

Забываю донести чашку кофе до рта, удивленно глядя на него. Ну зачем эта ложь? У нас и так ею все пропитано. Скоро с потолка начнет течь мутная ядовитая жижа вранья.

– Знаешь, Гора, тебе не нужно меня жалеть. И врать тоже. Мы ведь договорились, что будем откровенны друг с другом.

– Настюш, у меня как в том анекдоте: ну не шмогла я, не шмогла! – Гордей смеется, берет меня за руку и целует пальцы. – Не поверишь: как заклинило! Наверное, оттого что я знал, что ты рядом, где-то там, в безразмерном доме Гурджиева. А может быть, потому что сладок только запретный плод, – Гордей притворно вздыхает. – Стоило только тебе разрешить, как уже ничего и не хочется. Так... позажимались малость, пропустили по паре коктейлей, а потом девчонки мне массаж сделали в четыре руки.

– Массаж тоже разный бывает, – стараюсь, чтобы голос звучал ровно, потому что воображение уже рисует мерзкие картины "массажа".

– Да нет, – отмахивается он. – Не тот массаж, что ты думаешь. Действительно, спинку помяли, шею, и на этом все закончилось. Но знаешь, что главное?

– Что?

– Невероятно кайфовое ощущение, что ты мне доверяешь! Что ты стараешься изо всех сил сделать мне приятно. Пусть даже вот так. Я себя почувствовал, как султан, у которого гарем. Это просто потрясающе! А у тебя как было?

– Да также, как и у тебя. Тоже ничего не было. Так... массаж и необременительный треп.

– Это хорошо, – серьезно кивает Гордей. – Честно говоря, мне так даже приятнее. Ведь мужчина и женщина это все же не одно и то же. Хотя мы и договорились, что у нас открытый брак. Значит, и ты можешь себе кого-то найти. Но не на ве-

черинке и не при мне. К такому я не готов. Другое дело, если я этого не вижу, значит, этого не существует. Давай вообще договоримся на берегу соблюдать главное условие: в дом наших любовников не тащить и, по возможности, друг другу не показывать. Все там, все на стороне, — он встает и идет к выходу, но на пороге кухни оборачивается. — Да, кстати, ты поедешь на работу сейчас?

— Нет, мне нужно в салон красоты, волосы уложить. Я позже подъеду.

— Хорошо, удачного дня!

— И тебе, Гора.

Он выходит, и я, наконец, позволяю себе расслабиться и закрыть руками лицо. Боже мой, какой бред! Муж и жена, сидя на кухне за завтраком, обсуждают любовников. И это называется современным подходом? Да к черту! Не нужна мне такая свобода! Кто это все придумал? Если он султан, тогда я кто? Из роли любимой жены меня уволили, значит я — что-то вроде валиде. Да, валиде. Правда, не мать султана, но старшая и вечно дежурная по гарему. И поставляю молоденьких любовниц мужу. Наверное, я средневековая необразованная дура. Но как же мне хочется, чтобы мой муж, рыча, отбивал меня у других. Чтобы ревновал, следил, покоя не давал. Как когда-то, когда мне нужно было выбрать между Гордеем и Аристархом, и Гордей просто с ума сходил, пытаюсь не отдать меня сопернику. Где это все? Почему все проходит? И как мне доиграть эту роль? Господи, дай мне сил!

Пусть лучше будет властным собственником, чем вот так. Если бы я только любила его чуть меньше! Если бы... я бы, наверное, предпочла уйти от него, устроиться на работу, а лучше на две, и самой растить Белку. Но я не могу заставить себя с корнем вырвать его из сердца. Это какое-то страшное проклятье: любить его, угождать во всем, унижаться. Если это и есть настоящая любовь, то почему на ней все так помешаны? Это не счастье, это вечная боль. Разорванная пополам душа, выжженное ревностью к другим бабам сердце. И постоянная необходимость молчать, терпеть и улыбаться. За что, Господи, ты так наказываешь меня?

В этот момент раздался пронзительный звонок "Ватсапа" и на экране моего телефона высветилось: "Белка". Я поспешно приняла видеозвонок.

– Привет! А что папа уже ушел? – огорченно протянула дочка. – А я так старалась подгадать, чтобы вас вместе застать.

– Подожди, он еще дома, в спальне. Пошел одеваться. Гордей! – кричу я и бегу с телефоном к лестнице, которая ведет на второй этаж, в спальню. – Дочка звонит!

– Уже иду! – Гордей спешит вниз по лестнице, на ходу завязывая галстук.

– Мам, пап, у нас тут туса в летний лагерь во Франции намечается. Хочу поехать со всеми, но мне нужно разрешение от обоих родителей. Чтобы две подписи было.

– Я сегодня же все вышлю, не волнуйся, – поспешно за-

веряю я. – Ты как, моя хорошая?

Гордей молча кивает и отходит в сторону.

– Мам, папа из ракурса пропал. Покажи мне его! – она вытягивает шею, пытаясь рассмотреть Гордея в глубине гостиной.

При этом она подносит ко рту булку, щедро намазанную шоколадной пастой. И аппетитно откусывает, чуть подняв верхнюю губу и сильно прикусывая вкусняшку двумя передними зубами, между которыми виден большой зазор. Поэтому я и прозвала ее Белкой.

– Я здесь, – улыбаясь, отзывается Гордей, и поспешно подходит к телефону.

Но улыбка немедленно сползает с его лица при виде того, с каким аппетитом Белка уписывает бутерброд с шоколадом. Он раздраженно бросает:

– Какого черта ты ешь с утра шоколад?

Белка давится, глаза ее наполняются слезами.

– Гордей, – отодвигаюсь от телефона, выходя из ракурса камеры, чтобы дочка меня не видела, продолжая держать его на вытянутой руке, и яростно, но очень тихо шиплю: – Что с тобой? Что?

Гордей берет себя в руки и говорит уже спокойнее:

– Леночка, с твоим весом тебе нельзя такие калорийные вещи с утра есть, ты же знаешь!

– Пап, очень сладенького хочется. У меня мозг и вообще растущий организм. Мааам! – капризно, как маленький ре-

бенок, тянет она, требуя поддержки.

Бросив яростный взгляд на мужа, натягиваю на лицо дежурную улыбку и ласково говорю:

– Ешь, мое солнце! С утра как раз можно, это я тебе говорю, как

бывшая балерина, все детство просидевшая на строгой диете.

– А на ночь я такое не ем, – оправдывается Белка.

– Вот и умница, – бодро говорю я, – и вообще ты у нас красавица! Правда, Гордей? – выжидательно смотрю на него, чувствуя, что просто убью его, если он сейчас не успокоит ребенка.

– Да кто же сомневается? – улыбается Гордей, обнимая меня за плечи. – Твою красоту, дочка, это не испортит, не в ней дело. А вот за здоровье я беспокоюсь. Лишний вес – это болезни, особенно в твоем возрасте. Давай-ка заключим договор, как деловые люди: ты худеешь в месяц на пять килограммов. В течении трех месяцев сбрасываешь ровно пятнадцать кило, а я тебе за это высылаю тройную сумму на карманные расходы. Если нет, то денег не будет вообще.

Белка замирает с набитым ртом, смотрит на бутерброд и неохотно откладывает его в сторону.

– Мы договорились? – уточняет Гордей.

Она молча кивает.

– Вот и славно, – он кивает в ответ. – Хорошего дня! – Гордей берет портфель, и нарочито не глядя на меня, спешит

к входной двери. Понимает, что я сейчас ему устрою, как только дочка отключит связь. Поэтому старается улизнуть до того.

Белка дожидается, пока за ним закрывается дверь, смотрит на меня полными слез глазами, ища поддержки. Что мне ей сказать? Чтобы не обращала внимания? Игра в хорошего и плохого следователя – не самый педагогичный прием. Я и так трачу море сил, постоянно сглаживая углы между двумя сложными характерами Белки и мужа. Иногда она настолько похожа на него в реакциях и упрямстве, что я задумываюсь: а может быть, она все-таки его ребенок? А иногда коса находит на камень, и мне кажется, что легче соединить огонь и воду, чем этих двоих.

– Мам, почему он меня не любит?

– Что ты, родная, папа тебя обожает! Просто характер у него такой требовательный. А с другой стороны, это даже хорошо. Это на пользу.

– Ага, – кивает она, глядя в сторону. – Ну я поняла. Ты на его стороне против меня.

– Белка, ты что? Нет никаких сторон!

– Ладно, мам, нужно на урок бежать. Пока! Целую!

– Подожди, моя хорошая!

Но связь отключается. Теперь я тоже враг. И это ей только одиннадцать лет. А что будет, когда исполнится пятнадцать?

Полнота дочери – болезненное место Гордея. Легко гордиться красивыми и успешными детьми. И очень сложно теми, кто

звезд с неба не хватает, особенно в окружении моего мужа, где детки московской элиты добиваются невиданных успехов еще лежа в памперсах.

Гордей часто спрашивает меня: в кого она такая не целеустремленная и не дисциплинированная? Ведь мы оба с ним не такие. С полнотой в детском возрасте справиться очень легко, но Белка не хочет. Ей нравится быть непохожей на других. И все попытки Гордея объяснить ей, что стройность фигуры в наши времена – залог успеха, разбиваются о стену детского упрямства.

Я всегда отвечаю, что у него, Гордея, полнота в генах. Вот и передал дочке по наследству. Сам Гордей, действительно, в детстве был крупным увальнем. Он тут же горячо отвечает мне, что как раз в нынешнем возрасте Белки, то есть в одиннадцать лет, переборол свой вредный организм спортом и правильным питанием, и с тех пор держит форму. Поэтому он и настоял на британской закрытой школе вместо швейцарской, как хотела я. Потому что Англия, в отличие от Швейцарии, славится своей жесткой школьной дисциплиной. Это как раз то, чего не хватает Белке: собранности и самоконтроля. Британские аристократы, наконец, ее научат этому. И, главное, полагаться на себя, а не на деньги родителей и их успех.

Когда он заводит об этом речь, мне всегда кажется, что Гордей намекает на Аристарха. И на то, что Белка – его дочь. Ведь у Гордея просто не может быть неуспешного ребенка. А

у моей первой любви вполне, потому что Аристарх по натуре своей был чудовищно безволен и ничего сам добиться не мог. И все его заслуги – итог жесткого контроля и обширных связей его властной матери.

Еще когда Гордей ухаживал за мной, а я в то время встречалась с Аристархом, и никак не могла выбрать кого-то одного из них, он часто резко отзывался о своем сопернике, как о маменькином сынке. В принципе, так оно и было. Мать Аристарха, Изольда Венедиктовна – железная леди, занимавшая огромный пост в Министерстве Культуры, связями и лбом пробивала сыну карьеру в Большом Театре. И Гордей это знал. Я давно не интересуюсь жизнью своего бывшего. Зачем? Его мать сказала мне в лицо, что не для того растила из сына блестящего солиста Большого Театра, чтобы дать ему задохнуться в пеленках, держась за юбку крестьянской девки. Да, она так меня и назвала: крестьянской девкой. И еще добавила:

– Нечего плодить нищету и холопов. Стране нужен хороший генофонд. А то развелось вас, крестьянских девок, а интеллигенция вымирает. Потому что у нее нет вашей хватки. Думаешь, ты самая умная? Думаешь: удалось подцепить москвича из интеллигентнейшей семьи, да еще с квартирой? Да у моей бабушки домработницы были красивее и умнее тебя! Так что иди-ка ты в свой Волчесранск коз доить. А моего сына оставь в покое! Со мной из него может получиться новый Мариус Петипа или Михаил Барышников, а с тобой

– неудачник.

Разговор этот происходил в прихожей их роскошной семикомнатной квартиры на Арбате, куда я пришла сообщить, что беременна. И, возможно, это ребенок Аристарха. Поэтому нужно сделать тест ДНК, чтобы убедиться. После этого Изольда Венедиктовна и объяснила мне, кто я и откуда. А потом распахнула дверь, тыкнула в меня пальцем и воскликнула:

– А теперь пошла вон из жизни моего сына! Тесты она будет делать. Научили холопов на свою голову! Вон, профурсетка неумытая!

В этот момент дверь ванной комнаты в конце коридора распахнулась, оттуда вылетел мокрый Аристарх с полотенцем на бедрах, и завопил:

– Мама, ну зачем ты так? Можно же нормально поговорить! Денег дать, в конце концов! А если это мой ребенок?

– Умолкни, тупица! – брезгливо поморщилась Изольда Венедиктовна. – И привыкай к ситуации. Знаешь, сколько этих девок будет в твоей жизни? Всем денег давать – так разоришься. Я лучше для Николя куплю новую курточку. Ему, бедняжке, холодно в старой. Иди ко мне, иди, мой хороший, – она присела на корточки, взяла в руки белого карликового пуделя Николя, который безмолвно стоял у ее ног, дрожа не то от страха, не то от холода, и прижала его к себе.

Иногда я вижу Аристарха по телевизору. Он теперь глав-

ный балетмейстер Большого Театра. Мамуля все же добилась своего. И я точно знаю, что Гордей продолжает ревностно и пристально следить за жизнью Аристарха. Поэтому в последнее время меня не покидает тревожная мысль: неужели Гордей понимает, что Белка, возможно, не его дочь? Ведь с ним я не была так честна, как с Аристархом. Но если да, то почему это стало мучить его только сейчас? Ведь раньше, когда Белка была маленькая, он ее просто обожал. И вдруг охладел, когда она начала расти.

Гордей

Он шел к машине и улыбался. Настроение было отличное. Чертовски приятно чувствовать себя султаном в гареме. А еще понимать, что жена готова на любые эксперименты, чтобы удержать его возле себя. Ведь Настя – красавица. И вполне еще может найти себе достойную пару. Именно поэтому Гордей много лет подряд настаивал на том, чтобы она сама готовила, все делала по дому, исключая уборку, конечно, и еще и работала его личной помощницей в юридическом агентстве. Коллеги крутили пальцем у виска, называя его психом. Кто будет держать на такой должности жену, имея возможность завести длинноногую и крутобедрую красотку с тугой попой, которой можно пользоваться прямо на рабочем столе личного кабинета, как это делают все нормальные мужики? Даже Гурджиев как-то сказал ему с улыб-

кой:

– Я тебе, Гордей, плакат закажу, и на стене твоего кабинета повешу. На нем красными большими буквами будет написано: "Мужик, помни: если ты не имеешь свою секретаршу, то ее поймает кто-то другой".

Забавная штука: жизнь. Гордей всегда боялся, что если у Насти появится больше свободного времени, то она превратится в одну из тех светских львиц, которые бегают по звездным тусовкам, а потом выкладывают миллион фото в Экскортограм, и от скуки спариваются с кем попало. А теперь он, Гордей, ждет, пока жена найдет себе любовника. Правда, всего одного и постоянного, как и требуется в открытом браке. И вчера на вечеринке у Гурджиева он видел, как мужики, включая самого Гурджиева и его сыночка, пожирали Настю глазами. Гордей даже напрягся, когда заметил похотливый взгляд хозяина дома. Но Гурджиев не был бы таким успешным бизнесменом, если бы не умел правильно расставлять приоритеты.

Несмотря на то, что на его вечеринки приглашались только те, кто готов был к экспериментам, в том числе и сексуальным, рисковать Гурджиев не стал. Гордей нужен был ему как член группы элитных адвокатов, поэтому его жена – вне игры. А еще приятнее, что у Насти точно ничего не было с этим накачанным смазливym пареньком с вечеринки. Гордей слишком хорошо знал свою жену. Если бы Настя с ним переспала, то у нее сегодня был бы виноватый вид. Даже при

том, что они договорились обо всем, но не та она натура, чтобы после измены мужу вести себя, как ни в чем ни бывало. Но в случае эпического секса, а с тем молодым самцом по-другому быть не может, у нее сегодня с утра были бы ослабленные движения ленивой кошки. Она так всегда выглядела после бурной ночи любви. Гормоны и мать-природу не обманешь.

А она вся – комок нервов. По тому, как она размешивала сахар в кофе, как нервно комкала салфетку, Гордей понял, что ее мысли заняты только одним: было ли у него? Он улыбнулся и отпер машину. Да, все идет по плану: он по-прежнему центр ее вселенной, вокруг которого плавают галактики и звезды. Он контролирует ситуацию, ее тело, ее жизнь. Как же это приятно! Власть над другими – самое сладкое, что может быть.

Гордей поэтому и согласился на эту аферу с открытым браком, что ни минуты не сомневался в том, что голы будут забивать только в одни ворота. В браке всегда так: один ведет, другой подчиняется. А в открытом браке тем более. Его и предлагают те, кто в себе не уверен. Кто пытается всеми силами сохранить отношения. А Настя, наивная бедная Настя так и не поняла, что никто ей свободы не давал. Просто муж чуть-чуть ослабил туго натянутый поводок, чтобы у нее появилась эта иллюзия свободы.

Гордей завел машину, отхлебнул из любимой черной керамической кружки с серебристой крышкой заботливо при-

готовленный Настей кофе. Никого ты себе не заведешь, Настенька. Не умеешь ты так, по-западному, чтобы любовник для тела, а муж для души. Так что ему, Гордею, бояться нечего: для него открытый брак – это возможность вдохнуть свежий воздух без вранья. Не придумывать, почему задержался на работе. Не сочинять несуществующие совещания и встречи с клиентами. А он, Гордей, может быть спокоен. Ад начнется у Насти.

Но она готова на это, чтобы спасти их отношения. Кто знает? Может быть, это реально поможет? Может быть, свобода заставит его по-прежнему чувствовать себя хозяином ситуации, а не обманутым лошарой, который растит чужого ребенка? Наверное, проблему можно было решить давно. Просто по-тихому сделать тест ДНК, и все.

Но они с Настей еще до женитьбы договорились друг другу доверять. А втихую проверять отцовство – это и есть проявление недоверия. Но не это его останавливало. Страх. А если окажется, что Белка не его дочь? Что ему делать с этой правдой? Публично признать, что он – идиот? Он? Гордей? Адвокат с многолетней практикой, который не проиграл ни одного процесса, позволил своей жене так страшно себя обмануть?

Такой удар по самолюбию Гордей не пережил бы. Пока никто ничего не знает, с этим еще можно справиться. Страхи, опасения – это его личный ад, который есть у каждого. Правда... голая, неприкрытая, страшная – никому она не нужна.

Весь его многолетний профессиональный опыт показывал, что никто не хочет знать правду. Люди готовы обманывать самих себя. В точности, как у Пушкина: "Я сам обманываться рад".

Клиенты Гордея, которые могли купить любую информацию, предпочитали платить за то, чтобы скрыть правду. И, прежде всего, от самих себя. Сам Гордей не раз давал своим клиентам самый важный и мудрый совет: "Не будите лихо, пока оно тихо!"

И сам же жил по этому принципу. Хотя и предложил сделать тест ДНК в самом начале, когда вернулся со стажировки за границы, узнал, что Настя родила и позвал ее замуж.

– Как я могу выйти за тебя, если ты не веришь моим словам? – обиженно произнесла тогда она. – Доверие, Гордей, доверие. Вот что самое важное в отношениях. Без этого ничего не построишь. И если ты требуешь доказательств, значит, нам незачем жениться.

Он был с ней согласен. Он не спорил. Видя ее бедственное положение, нищету и халупу, в которой она оказалась, Гордей, ослепленный чувствами к ней, тогда подумал, что если бы она хотела его просто использовать, и на его горбу въехать в сытую жизнь, то согласилась бы на все его условия. Но она гордо стояла на своем. А гордость бедняков – это очень дорогое удовольствие. Тогда он даже на минуту не задумался о том, что эта гордость может быть блестящим блефом. Но уже будучи подающим большие надежды адвокатом, оставил се-

бе лазейку: потребовал заключить брачный договор. И внес в него один пункт: при разводе Настя обязана будет согласиться на тест ДНК. И если выяснится, что ребенок не от Гордея, то обе они, и Настя, и Белка не получают от него ничего.

Бегло просмотрев договор, Настя наткнулась на этот пункт, подняла глаза на Гордея, и он увидел блеснувшие между ресницами слезы.

– Ты же сама говорила о доверии, Настюша, – мягко заметил он.

Он и в самом деле считал, что важнее доверия нет ничего. Особенно когда речь идет о ребенке. Если все же выяснится, что Аристарх – отец Белки, как он, Гордей, посмотрит в глаза дочке? Как выдавит из себя эту фразу:

– Ты не моя?

После того, как ночами вставал менять ей памперсы. Как водил в цирк, зоопарк и на каток. Как, улыбаясь, фотографировал ее первые шаги, подбадривая:

– Ну, иди к папе! Еще шажок, и еще! Вот так! – и, раскинув руки, ловил ковыляющую кроху, прижимая ее к себе.

Можно, конечно, просто промолчать. В конце концов, не тот отец, кто зачал, а тот, кто вырастил. Но Гордей слишком хорошо знал самого себя. Изворотливость адвоката и умение врать не краснея, он оставлял за порогом дома. А в семье требовал правды. Поэтому и предложил Насте пожить отдельно, когда осознал, что между ними разверзлась пропасть недоверия. Жена поняла его. Она вообще всегда его пони-

мала. Но Настя – взрослый человек. А Белка еще ребенок. Нужно ли нагружать ее правдой и подробностями? Он был уверен, что нет. Ни в коем случае! Слишком много примеров перед глазами. Дети, которые не выдержали сложностей родительских отношений, и скатились в наркоту или стали постоянными пациентами дорогих и закрытых психиатрических клиник. Такой судьбы для дочки он не допустит!

Несмотря на свою требовательность, Белка – это все, что у него есть. Его самого воспитывали в строгости. И свой жизненный успех Гордей считал результатом спартанского воспитания. Так что лучше пережить, чем недожать. Особенно среди людей его круга, в котором богатые родители были все время озабочены тем, как бы скрыть грешки напортачивших избалованных мажорных деток, которые то сбивали пешеходов на папиных крутых тачках, то спьяну топили в океане яхты с экипажем на борту, то избивали прислугу.

Пока что идея с открытым браком сработала на "ура". Впервые за много лет Гордей проснулся без камня на сердце и чудовищной скуки в душе. В конце концов, он это заслужил. Ведь у него даже секретарши нет, чтобы раскладывать ее на столе, когда босс не в духе. Женская мудрость – она в том, чтобы вовремя смолчать и закрыть глаза. И сделать вид, что ничего не понимаешь. Вот Гордей и научит Настю этой мудрости. Пришло время повзрослеть.

4 глава. Идеальная любовница для мужа

Анастасия

Не знаю, как я дожила до того момента, когда за Гордеем закрылась дверь. Теперь можно не сдерживаться. Опускаюсь на пол в кухне, в уголке между круглым диванчиком и стеной, вцепляюсь в ножку стула и даю волю слезам. Врет он все! Не сердцем чую – маткой. От него пахнет чужими бабами. Я слишком хорошо знаю своего мужа. Когда наши чувства были на пике, и мы еще не спали ночами, устраивая марафоны любви, Гордей утром выглядел так же. Довольный, как сытый хищник. Как-то рано утром, после того, как мы половину ночи любили друг друга, и на рассвете он заснул мертвецким сном, я шутя нарисовала на его спине и шее оранжево-черные полосы: черные – карандашом для глаз, оранжевые – румянами, пока он досыпал последние и самые сладкие полчаса до будильника.

Рассматривая боевой раскрас в зеркале, Гордей притворно нахмурился и грозно спросил:

– И как я теперь в суд поеду? Вот скажи мне, вредительница! Эта ваша женская гадость, наверное, простой водой не смывается. Недаром так дорого стоит! – он дотянулся до полосы на шее и потер ее пальцем.

Косметика от Кардена слегка размазалась, но не сдалась.

– Неа, – радостно подтвердила я. – Не смывается. Ну и что? Пусть все видят, какой у меня грозный тигр! Ну, в крайнем случае, скажешь, что через кожу проступила твоя внутренняя суть. Как в фантастических фильмах про героев. Знаешь эти комиксы, где скромный задрот вдруг оказывается Человеком-пауком, и у него так ррраз! И синие трико в облипку!

– Трико, говоришь? – уточнил Гордей. – А ну иди-ка сюда, трепетная лань! Или ты отмоешь тигра, или тебе конец. Загрызу! – он, грозно рыча, бросился на меня, сгреб в охапку и принялся целовать.

– Все-все! Я тебе сейчас все ототру косметическим молочком! Пощади! – кричала я, отбиваясь изо всех сил. – У меня уже внутри все болит! Я больше не могу! Спасите, люди! Да где же этот чертов Человек-паук? Никогда его рядом нет, когда девушка погибает!

Добежав до туалетного столика в спальне, я схватила флакон с молочком для снятия макияжа и потрясла им в воздухе: – Вот! Я сейчас все гениально смою! Клянусь любимыми пуантами!

– Ни за что! – прорычал Гордей и выбил флакон у меня из рук. – Сама нарвалась, женщина! Никто тебя не спасет! Знай свое место: быстро в койку! Рррррр! Моя внутренняя суть требует жертв и крови! И мяса! – он закинул меня на плечо и укусил за попу.

– Дурак! Больно же! – завопила я, молотя кулаками по его спине.

– Тигры не ведают пощады и жалости! Ничего тебе не поможет, девочка моя! – ревел Гордей, зубами стаскивая с меня трусики.

Господи, где это все? Где это пронзительное счастье, от которого хотелось летать? Почему все покрылось липкой паутиной страха и вранья? Почему он меня разлюбил? Ведь я продолжаю так же любить его. Может быть, мужчины просто не в состоянии долго удержаться на пике чувств?

Настойчивый телефонный звонок возвращает меня в реальность.

– Доброе утро, Настя! – голос Макса звучит бодро. – Ты подъезжаешь? У меня тут девчонки собрались.

– Я сейчас быстро приеду. Извини за задержку!

Метнувшись в спальню, быстро одеваюсь. Что-то я совсем из ритма выбилась. Нужно себя срочно в руки брать. С утра реву, опаздываю на важные встречи. Нет, так не пойдет!

– Приди в себя, приди в себя, рохля! – шепчу, выбегая из дома, на ходу доставая из сумки ключи от машины.

Мне еще повезло, что клуб Макса находится в центре Москвы недалеко от агентства Гордея. Захожу в полутемный зал. В центре, на круглой сцене репетируют три накачанных красавца, одетых лишь в тонкие спортивные штаны. Невольно замираю при виде их обнаженных, идеально вылепленных

торсов, через влажную кожу которых рельефно проступают мышцы.

– Отомри! – Макс незаметно подходит сзади, берет меня за локоть и тащит за собой. – Потом налюбуйешься, я тебе дам карточку постоянной клиентки с бесплатным входом.

– Я не...

– Да не стесняйся ты, как маленькая, ей-богу! На них все женщины так реагируют. У нас даже уборщица-пенсионерка швабру роняет, когда их видит.

Он заводит меня в небольшой, но стильно обставленный кабинет, усаживает в кресло возле стола, садится передо мной на стол, наклоняется и шепчет:

– Так, я сейчас буду их запускать по одной. Ты уверена, что готова?

Молча киваю.

– Хорошо, первая пошла, – говорит он, беря в руки телефон.

Моя шея на нервной почве немедленно покрывается гусиной кожей.

– У меня только один вопрос, Макс: они экскортницы?

– Нет, в твоем случае жрицы любви не подойдут. Слишком специфически выглядят, и из них это уже даже каленым железом не выжечь. Эти девчонки – профессиональные содержанки. Поэтому точно знают свое место, а также, что можно, а что нельзя. Кодекс содержанок – штука сложная. Тут, знаешь ли, тоже нужно понимать, когда уступить, а ко-

гда форсировать события. А еще они обучены первому правилу содержания.

– Я даже боюсь спросить какому, – мне не удастся скрыть сарказм, сквозящий в голосе.

– Напрасно язвишь. Первое правило: не уводить мужика из семьи. И, главное, они выглядят, как обычные девчонки, а не как эскортницы, у которых ценник на лбу написан.

Насчет "выглядят, как обычные девчонки" я бы поспорила. Первая кандидатка сидит напротив меня, рассказывает нехитрую биографию из серии: "приехала, не поступила". А я мысленно посылаю Максу призыв выгнать ее немедленно. Гордей на такое не купится. А я с такой не решусь иметь дело. Лицо наглое, глаза цепкие, говорит без умолку, а сама ощупывает меня взглядом, оценивая стоимость одежды.

– Мы тебе позвоним, – Макс замечает мой напряженный взгляд и мягко спрашивает ее, оборвав на полуслове.

Вторая ничуть не лучше первой. Короткая юбка леопардовой расцветки, сожженные пергидролом волосы и накачанные ботоксом губы в половину лица. И только глядя на эту девушку, которая явно родилась уже в этой леопардовой тряпке, понимаю ужас ситуации. Потому что одно дело – фантазировать себе, что я могу контролировать ситуацию. А другое дело – воочию увидеть этих стерлядей. Господи, я приехала сюда выбирать любовницу мужу! Резко встаю, едва не опрокинув кресло, подхожу к окну и глубоко вздыхаю, чтобы не расплакаться при посторонних людях.

– Мы тебе позвоним, – скороговоркой выпаливает Макс, чуть ли не силой выталкивая девушку из кабинета.

– Не, ну а шо? А када? А ты ж сказал... – сопротивляется леопардовая Барби. – А я ж за дороху заплатила.

– Вот, держи на такси, – Макс сует ей в руки деньги и захлопывает дверь.

В этот момент я всхлипываю, не сдержавшись.

– Так, спокойно! Посмотри на меня! – он одним прыжком пересекает кабинет и обнимает меня сзади, крепко прижимая к груди.

– Не нужно, Макс, дай мне две минуты побыть одной.

– Тебе не нужно быть одной, у тебя есть я, – шепчет он и мягко, но настойчиво поворачивает меня лицом к себе. – Иди ко мне, – он подставляет плечо под мое мокрое от слез лицо. – Вот так, все хорошо, – его рука мягко похлопывает меня по спине, словно я ребенок.

Когда Белка была маленькая, я так же успокаивала ее.

– Все будет хорошо, мы вместе справимся, – сильными пальцами он берет меня за подбородок, поднимая голову, и слегка прикасается губами к краешку моего рта.

Замираю в руках Макса. Странное чувство: чужой мужчина так близко. Меня окутывает его запах – смесь дорогого мыла и ненавязчивого одеколona с нотками свежести синего оттенка – "Наутики" или классического "Давидофф".

– Не нужно так близко... – кладу руку на его грудь, чтобы отодвинуть от себя, и пальцы сами натыкаются на рельефные

бугристые мышцы.

– Нужно, – шепчет он. – Мне лучше знать. Я – твой психолог.

– Психологи так себя не ведут, – нажимаю чуть сильнее, отталкивая его.

– У меня своя методика, – не сдается Макс и кладет руку на мои пальцы, поглаживая их. – И она работает. Тебе ведь легче, правда?

И тут я понимаю, что он прав. Мне и в самом деле стало легче.

– Послушай меня, Настя, – он вдруг резко прижимает меня к себе, обнимая двумя руками, – просто доверься мне, не думай, плыви по течению, делай, как я скажу. И будет все так, как нужно! И, главное: доверься своему телу. Оно умнее, чем мозг. Оно лучше знает!

– Это не так, Макс!

– Это так, Настя! Твой мозг сопротивляется, шепча, что нельзя обниматься с чужим мужчиной. А тело расслаблено, ему хорошо. Ты же балерина, ты умеешь слушать тело и доверять ему. Твои мышцы сейчас, как вата.

Это звучит ужасно неправильно, но он прав. Телу не хочется, чтобы его выпускали из этих крепких мужских рук. Да, я это осознаю. Но все же...

– Так неправильно! – не сдаюсь я.

– Так логичнее всего! – горячо спорит он. – У тебя с мужем открытый брак. И если рано или поздно тебе нужно бу-

дет предъявить любовника, так кто, кроме меня, лучше всего подойдет для этой роли? Ты ведь об этом не подумала, правда?

От растерянности я даже перестала сопротивляться его рукам. Занятая мыслью о любовнице для мужа, я, действительно, совершенно упустила это из виду.

– Где ты его возьмешь, Настя? По клубам будешь бегать? – сильные пальцы Макса пробегают по моему позвоночнику, слегка надавливая, и блаженное успокаивающее тепло разливается по спине.

Даже думать об этом не хочу. Лучше уже кто-то знакомый. Макс мне, по крайней мере, не противен. А другие... стоит только подумать и представить себе, как на мне пыхтит чужой мужик, и к горлу подкатывает тугой ком тошноты.

– Хорошо, – решительно вырываюсь из его рук, отхожу к столу и становлюсь за ним, чтобы посмотреть Максу в глаза. – Можно тебя нанять на роль любовника? Только учти: спать с тобой не буду. Просто нужно, чтобы ты сыграл роль. Я увеличиваю вдвое твой гонорар психолога. Этого хватит? Или нужно больше?

– А вот сейчас было обидно, – тихо отвечает он, нервно засовывает руки в карманы и отворачивается к окну. – Мне не нужен дополнительный гонорар. Хватит того, о чем уже договорились. Я вообще-то от всей души. Ты мне очень нравишься. Наверное, потому что у меня в жизни было столько боли, что я увидел тебя и подумал: просто встретились два

одинокчества. Два человека, у которых внутри все выжжено, всегда понимают друг друга... ладно, неважно. Видимо, я в тебе ошибся. Извини!

Боли? Значит, этот холеный и на вид очень успешный мужчина, на самом деле, тоже играет роль? Как и я? А в его душе такой же ад? А я-то думала, что он глянцевый и поверхностный. Жгучий стыд заливает мои щеки, все лицо пылает жаром. Кто я вообще такая, чтобы кого-то судить?

Подхожу к нему, кладу ладонь на его спину. Он внезапно вздрагивает и передергивает плечами. И, несмотря на его крепкую фигуру, сразу становится каким-то трогательным, что ли? Жалость тонкими иголочками покалывает мое сердце.

– Макс, ты меня прости! Я все неправильно поняла. И вообще я сейчас плохо соображаю. Не хотела я тебя обидеть. Ты просто такой...

– Какой? – он порывисто оборачивается и хватает меня за обе руки, сжимая запястья. – Какой? Скажи! – настойчиво повторяет он.

– Успешный, глянцевый, как из Инстаграмма. Такой, как батут. Все, что прилетает, моментально отлетает, вообще тебя не задевая. Мажор, короче.

– Мажор? – он горько усмехается. – Значит, я очень хороший актер. Потому что именно таким и хочу казаться. Иначе не выжить в этом чертовом городе, понимаешь? Здесь нужно все время изображать радость и успех. Не дай бог показать

кому-то свою слабину! Вцепятся зубами в кровоточащую рану и будут радостно ковырять. С наслаждением!

– Ты прав, Макс!

– И ты не показывай никому ничего, Настя! А я помогу. Доверься мне!

– Я постараюсь. Я....

И в этот момент дверь открывается и в кабинет влетает рыдающая девушка лет двадцати трех-двадцати пяти.

– Ты не один, Макс? Ой! Извините меня! – она руками размазывает слезы по щекам, пачкая тонкие пальцы потекшей тушью.

– Тата, что случилось? – Макс бросается к ней, на ходу выхватывая бумажный носовой платок из деревянной подставки на столе. – А ну-ка, вдохни поглубже, вот так, – он втягивает воздух, одновременное подавая ей носовой платок.

Девушка на миг перестает рыдать. Глядя на него, так же вдыхает прохладный кондиционированный воздух кабинета.

– Вот умница! – радостно говорит Макс. – А теперь мысленно считаем до пяти, ручки в замок перед собой, как я учил, помнишь? – он соединяет руки перед грудью, – раз, два, пять... глубокий вдох и произносим: – Ооооом!

– Ооооо... – пытается повторить успокаивающую мантру девушка, и вдруг снова заливается слезами, тоненько подвивая: – аааааа....

Макс усаживает ее на стул, бросает на меня быстрый взгляд, и, скорчив кислую гримасу, поднимает глаза к потолку.

ку, показывая, что это надолго.

– Может, воды? – спрашивает Макс девушку.

Она кивает, продолжая рыдать. Он подходит к маленькому холодильнику в углу и достает оттуда запотевшую от холода бутылку минералки.

– Макс, я выйду тогда. Подожду на улице или в зале, пока вы здесь поговорите, – беру сумку и иду к двери.

– Постой, Настя! – окликает меня Макс. – Останься! Это и есть третья претендентка. Просто с самого начала как-то не задалось. Ну ничего. Сейчас Тата успокоится, и вы поговорите.

– Да, извините меня! – девушка торопливо вытирает лицо и отхлебывает воду из бутылки. – Я сейчас, я быстро, пять минут. Прощу прощения!

Это звучит по-идиотски, но она моментально вызывает у меня что-то похожее на симпатию. Девушка явно не из стерлядей. Почти не накрашена, если не считать полностью потекшей и явно дешевой туши. Но при этом хорошенькая, как кукла. Высокая и худая, но не плоская. Все, что нужно, на месте: небольшая крепкая грудь, крутые бедра, красивые покатые плечи. Светлые волосы собраны в низкий хвост на простую резинку, белый легкий сарафан в крупных лазоревых васильках на тонких бретельках, слегка не достигающий до колен, обнажает загорелые длинные ноги. В огромных ярко-голубых глазах блестят слезы, повисая на кончиках темно-коричневых длинных ресниц. Кстати, своих, а не

нарощенных по последней дурацкой моде. Из-за этих искусственных ресниц все эти красотки, которые не вылезают из салонов красоты, выглядят, как больные коровы, объевшиеся сочной травы на лугу и страдающие вздутием живота.

– Познакомься, Настя, это Наташа, – говорит Макс. – Но все зовут ее Татой. Ей так больше нравится. Мы с ней пару месяцев вместе снимали квартиру, когда только приехали в Москву. Романа между нами так и не случилось, зато остались в приятельских отношениях. – Тата, это Настя. Собственно, ради нее я тебя и позвал.

– Приятно познакомиться, – всхлипывает девушка. – Вы простите, что я вот так ворвалась...

– Да ничего, все бывает, – поспешно отвечаю я. – У вас, наверное, что-то случилось?

– Да, мой... друг, у которого я живу, опять меня избил. Вот, – она протягивает мне тонкие руки.

На запястьях иссиня-черные синяки в форме неровных браслетов.

– Он что вас привязывал? – в ужасе спрашиваю я.

– Нет, он меня хватал за руки. А у него очень сильные и страшно цепкие пальцы. А еще бил и таскал за волосы! – снова всхлипывает она.

– Но за что?

Тата молча заливается слезами. Макс, стоя позади нее, бросает на меня вопросительный взгляд, поднимая бровь и словно спрашивая:

– Ну что? Как она тебе?

Киваю ему, потому что она, действительно, мне нравится. Насколько вообще может кто-то понравиться в такой ситуации.

– Он считает, что я ему должна денег. Понимаете, Настя, я в Москву приехала, чтобы учиться здесь в Высшей школе поварского искусства. Она одна такая на всю Россию. Те, кто ее хорошо закончили, по всему миру работают шеф-поварами. Некоторые даже у министров. А школа очень дорого стоит. Ну, я как-то наскребла, отучилась на "отлично". У меня диплом есть, я покажу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.